

Катя Райт

ПРЕРВАННОЕ МОЛЧАНИЕ

Катя Райт

Прерванное молчание

«Издательские решения»

Райт К.

Прерванное молчание / К. Райт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833881-6

Эрик Стоун в 14 лет хладнокровно застрелил собственного отца. Но не стоит поспешно нарекать его монстром и психопатом, потому что у детей всегда есть причины для жестокости, даже если взрослые их не видят или не хотят видеть. У Эрика такая причина тоже была. Это история о «невидимых» детях — жертвах домашнего насилия. О детях, которые чаще всего молчат, потому что большинство из нас не желает слышать. Это история о разбитом детстве, осколки которого невозможно собрать, даже спустя много лет...

ISBN 978-5-44-833881-6

© Райт К.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	28
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Прерванное молчание

Катя Райт

© Катя Райт, 2018

ISBN 978-5-4483-3881-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Официальная статистика

По статистике 20—30% убийств совершается в семьях. Ежегодно тысячи женщин погибают от рук мужей, а две тысячи детей заканчивают жизнь самоубийством. Более 50 тысяч детей уходят из семей.

Половина всех пострадавших малолетних насилуется либо отцом, либо отчимом.

Официальная отечественная статистика сексуального насилия над детьми отсутствует, однако, по данным выборочных исследований, самая распространенная форма сексуального насилия – это развратные действия против малолетних.

Примерно треть всех изнасилованных моложе 16 лет.

Мальчики становятся жертвой примерно каждого четвертого полового преступления против детей. Однако точные данные о гомосексуальных изнасилованиях отсутствуют, так как большинство таких случаев не передается огласке.

Мальчики, которыми сексуально злоупотребляли мужчины, гораздо больше, по сравнению с девочками, сопротивляются разговорам о своем опыте.

Часть первая

Точка зрения

*Hey Jude, don't make it bad.
Take a sad song and make it better.
Remember to let her into your heart,
Then you can start to make it better.
«The Beatles»*

Глава первая

Фрэнк Миллер

1.

Впервые я встретился с Эриком Стоуном в 1998 году, когда ему было пятнадцать. Мне позвонила Дороти Честертон – она была тогда его адвокатом – и попросила помочь. Вернее, это была даже не просьба, а отчаянный крик о помощи. Я много лет работал судебным психиатром, но у Дороти в адвокатском деле опыта было не меньше моего, к тому же, ей по долгу службы не раз и не два приходилось иметь дело с психами, неуравновешенными и всякого рода маньяками. Так что я знал – обращение ко мне значило совершенно безвыходную ситуацию.

С этим парнем, Стоуном, они бились уже полтора года, но так и не пришли ни к каким результатам. Дороти вкратце описала мне ситуацию, и я попросил выслать полное досье с подробными комментариями и заключениями специалистов, работавших с мальчиком ранее. Я никогда не был склонен делать поспешные выводы – особенно, если дело касалось подростков. Я всегда знал, что даже за самыми необдуманными и жестокими их поступками стоят вполне серьезные причины. Моей работой и было откапывать эти причины, определять силу их влияния на поведение. В самом начале карьеры мы с Дороти работали вместе, но потом она ушла в адвокатскую практику и с тех пор бралась за самые безнадежные дела.

Однако дело Эрика Стоуна меня поразило, если не сказать больше – действительно напугало. В четырнадцать лет этот мальчик убил собственного отца. Пока Стоун-старший сидел в комнате на первом этаже своего небольшого дома, его сынок спокойно поднялся в кабинет, снял со стены охотничье ружье, зарядил его, потом вернулся, совершенно хладнокровно спустил курок, после чего набрал «911». От такой истории даже у меня, выдавшего разное взрослого человека, мурашки побежали по спине. Я посмотрел на свою дочку, которая была ровесницей этого малолетнего маньяка, и подумал: сколько жестоких сумасшедших ходит по нашей грешной земле, как же уберечь ее от всего этого! Я попытался представить, как кто-нибудь из ее одноклассников берет ружье и наставляет его на своих родителей – ужас! Я прогнал тяжелые мысли и продолжил изучать дело Эрика Стоуна, четырнадцатилетнего убийцы. Родители его развелись, едва мальчику исполнилось тринадцать. С тех пор мать и сестра, которая была всего на два года младше Эрика, жили отдельно. Тогда я подумал: как же им повезло, что они съехались, иначе сынок мог бы оставить еще пару трупов.

По причине юного возраста, суд приговорил Эрика к содержанию в специнтернате для несовершеннолетних с психическими отклонениями, где он должен был дожидаться своего шестнадцатилетия, после чего вновь предстать перед судом и получить настоящий срок – сначала в учреждении для несовершеннолетних, потом в тюрьме. Там, в интернате, Эрик должен был круглосуточно находиться под наблюдением и проходить сеансы принудительной терапии.

Однако уже через неделю после того, как Стоун попал в это учреждение, он вскрыл себе вены и был переведен в психиатрическую клинику Святого Иуды, где и находился вплоть до сегодняшнего дня. С ним успели поработать, кажется, все специалисты, кроме меня, и я даже был немного обижен тем фактом, что ко мне обратились в последнюю очередь. Хотя, чем позже я принял на себя этот кошмар подростковой жестокости, тем лучше.

Проблема была в том, что со времени своего ареста Эрик не произнес ни слова. Как мне рассказала потом Дороти, сначала они подумали даже, что мальчик был немым, но после того, как он в самых жестких выражениях послал подальше офицера, попытавшегося развернуть его, схватив за плечо, версия о неспособности говорить была отвергнута. Тем не менее, больше ничего Стоун не сказал, и по сему, никто не мог адекватно истолковать его действия. Станным мне показалось и то, что его мать наотрез отказалась выступать в суде, сославшись на то, что она не обязана свидетельствовать против своего сына. Она даже не явилась на слушание! Хотя, подумал я, для матери это, должно быть, удар, с которым невозможно смириться, боль, которой невозможно посмотреть в глаза.

– Как тебя угораздило вляпаться в такое дело? – Спросил я Дороти, когда она снова позвонила.

– Ты же знаешь, Фрэнк, кроме меня за него никто бы не взялся.

– Ну и что! Он же убийца!

– Когда я его увидела в камере, в наручниках, мне вдруг стало его так жаль, и я согласилась, – говорила она. – Конечно, тогда я еще не была полностью в курсе дела, но все равно мне стало его жаль.

Я не мог понять Дороти. Она – и я знал это – всегда была добродетельной и старалась видеть хорошее даже там, где его было совсем мало. Но здесь, в этом парне, по-моему, не было абсолютно ничего. Довольно странным было и то, что Дороти забыла выслать вместе с файлом фотографию этого малолетнего убийцы, но я отлично мог представить себе, как он выглядел. Мне приходилось сталкиваться с психически неуравновешенными жестокими подростками, и все они, как правило, выглядели отталкивающе. Как говорит моя жена Элизабет, хочешь – не хочешь, а твоя душа всегда будет отражаться на твоём лице. И действительно, я никогда не встречал подонка, который бы выглядел более или менее привлекательно, или маньяка, глядя на которого можно было бы умиляться его очаровательной улыбке. Черная душа всегда выливается в уродливое лицо, если только ваше имя не Дориан Грей и на чердаке у вас не стоит мистический портрет.

Дочитав дело Эрика Стоуна до конца, я решил как можно скорее разделаться со всем негативом, который оно принесло в мои мысли. Почему-то я был уверен, что смогу поставить диагноз и поспособствовать тому, чтобы этот парень содержался в как можно более строгих условиях.

Через пару дней я выехал в клинику Святого Иуды, которая располагалась недалеко от Джерси. Дороти и доктор Мэтьюс, лечащий врач Эрика, очень обрадовались моему приезду. Мы немного поговорили о непростом случае, которым, без сомнений, являлся Стоун, и Дороти выразила искреннюю надежду, что мне удастся поставить точку в этом деле, ведь до шестнадцатилетия Эрика оставалось чуть менее полугода.

Когда я вошел в комнату с белыми стенами и огромным зеркальным стеклом для наблюдений, Эрик уже был там. Он сидел на стуле, опустив голову. Пряди темных, почти черных, волос спадали на лоб. «Здравствуй, Эрик», – сказал я, присаживаясь напротив. Стоун посмотрел на меня, но ничего не ответил. Как только он поднял голову, я чуть не захлебнулся собственным удивлением и не смог сдержать хриплого кашля. Я ожидал увидеть монстра с лицом, обезображенным безумием, лицо же этого мальчика было на удивление приятным, если не сказать большего – Эрик Стоун, жестокий убийца родного отца, был красив. Да, надо было это признать, и я готов был убить Дороти и Мэтьюса за то, что они не предупредили

дили меня. От неожиданности я даже на секунду позабыл, кем был этот парень. Еще одной деталью, которая, признаюсь, сбивала меня с толку, было то, что этот подросток совершенно не походил на обезумевшего хищника. Эрик, скорее, был похож на загнанного волчонка, который попал в капкан и не знал, что ему делать. В первые мгновения, пока он смотрел на меня своими большими серо-зелеными глазами, я даже подумал, что произошла ошибка, и обвинения, выдвигаемые против него, ложны. Но я быстро взял себя в руки, вспомнив материалы дела и многочисленные фотографии места преступления. Однако все это не вязалось с тем взглядом, который был направлен прямо на меня: вместо ожидаемой жестокости и ненависти я видел в нем только страх. Преодолев минутное замешательство, я представился:

– Меня зовут Фрэнк Миллер. Я здесь, чтобы помочь тебе.

Это была стандартная фраза, поэтому она ровным счетом ничего не значила, и я продолжил. Ты понимаешь, почему находишься здесь? Ты осознаешь, что уже совсем скоро тебе придется предстать перед судом? Ты знаешь, кто твой адвокат? Ты отдаешь себе отчет в происходящем? Ты знаешь, какое сегодня число, месяц, год? Как давно ты здесь? Почему ты не хочешь ни с кем разговаривать? И еще десятка два вопросов, которые так и оставались без ответа. Эрик лишь продолжал смотреть на меня, медленно дышал и все время кусал нижнюю губу.

– Послушай меня, я понимаю, что далеко не первый, кто пытается заставить тебя говорить, но своим молчанием ты только делаешь себе хуже. Может, я дам тебе листок бумаги и ручку, и ты попробуешь хотя бы что-нибудь написать?

Это было, конечно, довольно глупо с моей стороны, потому что, наверняка, все мои предшественники не раз предлагали ему написать что-нибудь. Тем не менее, я достал листок и карандаш и положил перед Эриком на стол. Ничего не изменилось – Стоун даже не пошевелился. Мы немного помолчали, после чего я попрощался и пообещал, что приду завтра, и лучше бы ему быть поразговорчивее.

Тем же вечером мы с Дороти пошли в бар, чтобы за бокалом вина обсудить положение вещей.

– Да, признаюсь, я не ожидал такого, – начал я.

– Какого? – Дороти как будто дразнила меня.

– Теперь я понимаю, с чего вдруг ты прониклась к этому мальчику симпатией.

– Это не симпатия, Фрэнк. Я же говорила, это просто жалость.

– Но он чертовски мил, этот Эрик Стоун! – Я не смог сдержать эмоций.

– Да, – согласилась Дороти. – Я бы никогда не подумала, что он способен на такое.

– И чего ты хочешь добиться заключением психиатра? – Я интересовался искренне, потому что понимал, что, по большому счету, даже без заключения, суд состоится и парню вынесут довольно суровый приговор, который, скорее всего, и определит его будущую жизнь.

– Я не хочу, чтобы он попал в тюрьму, – ответила Дороти.

– Ты что, думаешь, он не виновен? – Я не скрывал удивления.

– Нет, Фрэнк, ты же читал материалы дела. Это было бы глупо. Просто с этим мальчиком что-то не так. Даже родная мать отказалась вступить за него...

– А ты не думаешь, что с этим мальчиком не так только одно – он просто псих?

– И почему, если он так спланировано и хладнокровно, как все говорят, убил отца, потом он пытался покончить с собой?

– Потому что он псих, – вновь констатировал я.

– Фрэнк! – Дороти не унималась. – Ты же видел его глаза! Разве это глаза убийцы? Это глаза жертвы!

– Но, тем не менее, это именно он пристрелил своего папашу. Кстати, он сознался?

– Он не говорил ни с кем с момента ареста. Но там все предельно очевидно. Он сам позвонил в службу спасения, на ружье повсюду его отпечатки, да и следы крови у него на одежде. Фрэнк, представь себе, он стрелял почти в упор! Он при этом смотрел своему отцу в глаза!

– Дороти, – я решил добавить в ее рассуждения хотя бы немного здравого смысла. – В том-то и дело, что в упор! Ты что, хочешь оправдать этого Стоуна, хочешь, чтобы он вышел на свободу?

– Дело не в этом, Фрэнк! Я не ставлю под сомнение его вину. Я просто говорю о том, что ему нужна не тюрьма, а квалифицированное лечение. Он же совсем ребенок!

– Моя дочь – совсем ребенок, – перебил я. – А этот парень социально опасен. И потом, от чего ты собираешься его лечить?

– Вот это я и хочу, чтобы ты выяснил.

– Нелегкая задача, принимая во внимание сегодняшнюю нашу встречу.

– Да, – ответила Дороти. – Но я и обратилась к тебе, потому что ты способен нестандартно подойти к проблеме. Понимаешь, Эрик уже прошел через столько специалистов и врачей! Он знает каждое слово, которое они скажут. Он не верит психологам и не будет с ними разговаривать. Тут нужен кто-то, кто смог бы стать ему другом.

Это уже слишком, подумал я. У меня не было ни малейшего желания становиться другом малолетнему маньяку. Я приехал сюда исключительно для того, чтобы выполнить свою работу. С другой стороны, я понимал, что выполнить ее – значит, в первую очередь, завоевать доверие этого мальчика. В конце концов, он был очередным пациентом. Да, очень трудным пациентом, но тем более во мне разгорался профессиональный интерес. Не скрою, в глубине души мне хотелось разговаривать со Стоуном и заткнуть за пояс всех своих предшественников, которые поставили на нем крест. Дружить я с ним не буду, но применю все свои знания, чтобы достичь успеха, думал я.

На протяжении двух месяцев мы встречались с Эриком трижды в неделю: по понедельникам, средам и пятницам. Я подумал, что, несмотря на юный возраст, этот парень, наверное, не против был бы покурить, и договорился с Мэтьюсом, чтобы тот в случае необходимости не препятствовал курению в комнате, где проходили беседы. Хотя, надо признать, даже два месяца спустя, мы все еще ни на шаг не приблизились к тому, что принято считать *беседой*. Говорил всегда только я. Очень скоро мне надоело задавать вопросы, и я порой пускался в пространные рассуждения о жизни, о душе, о Боге, о преступлении и наказании. Я даже рассказывал Эрику случаи из своей практики, но ничто его не трогало. И я решил пустить в ход банальный подкуп – я принес пачку сигарет.

– Я тут подумал, ты куришь? – Спросил я сходу, едва за мной закрылась дверь.

Ответа не было.

– В общем, не знаю, ты же ничего не говоришь, но я, вот, принес, – я достал из кармана сигареты, зажигалку и небольшую пластиковую пепельницу. – Угощайся, если что.

Парень опасливо огляделся по сторонам, задержав взгляд на зеркальном стекле, через которое за нашими встречами наблюдали доктор Мэтьюс, Дороти и охранники, потом вопросительно посмотрел на меня. И это определенно был прорыв – отметил я про себя. Вопросительно посмотрел! Никогда прежде за два месяца выражение лица Эрика не менялось так кардинально. Мне даже показалось на секунду, что вот-вот с его губ сорвется вопрос, но Стоун продолжал молча удивленно смотреть на меня.

– Не беспокойся! Я договорился с доктором – он разрешил. Если хочешь, можешь курить здесь.

Эрик снова посмотрел на зеркальное стекло, как будто надеясь что-то сквозь него увидеть, потом повернулся ко мне. Он переводил взгляд с пачки сигарет на меня и опять на пачку, кусая губы.

– Нет, если ты не куришь, то извини. Я просто не знал, вдруг...

Я не договорил. Именно в этот момент Эрик потянулся к пачке, открыл ее, достал сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Передо мной сидел пятнадцатилетний подросток, и предполагать, что он не курил, было бы наивно.

– Ну как? – Спросил я, довольный своей маленькой удачей и попытался изобразить как можно более непринужденный дружеский тон. – Может, ты любишь покрепче?

Эрик медленно замотал головой, но я не знал, что это значило: «Нет, я не люблю покрепче» или «Нет, чувак, я все равно тебе ничего не скажу».

Мы продолжали молчать, а Эрик тем временем докуривал уже четвертую сигарету.

– Может, не стоит так налегать на никотин? – Вновь заговорил я. – Раз уж мы выяснили, что ты куришь, я буду приносить сигареты на каждую нашу встречу. Но, знаешь, Эрик, если тебе еще что-то нужно, лучше поскорее это выяснить, потому что у нас с тобой осталось не так много времени, а из тебя, парень, слова не вытянешь.

Не скрою, я был рад, искренне рад всему, что произошло в тот день. Удивленный взгляд, отрицательное мотание головой, – все это, может быть, покажется вам ничего не значащими мелочами, но для меня это был грандиозный прорыв. И все-таки в курении есть свои плюсы, подумал я. Но то, что произошло дальше, было еще более неожиданным. Я даже подумал, уж не закурить ли и мне. Эрик затушил очередную сигарету, посмотрел на меня и, указывая на пачку, спросил:

– Я могу взять это с собой, мистер Миллер?

Я чуть не подскочил на стуле. Мальчик не просто произнес что-то, он обратился ко мне и – более того – он помнил мое имя! Голос Эрика был тихим, спокойным и очень приятным. Несколько секунд я был погружен во внутреннюю эйфорию, но потом взял себя в руки и спокойно ответил:

– Знаешь, Эрик, боюсь, что доктор Мэтьюс будет против. Он и так отступил от правил, позволив тебе курить, но, как уже говорил, я буду приносить сигареты на каждую нашу встречу.

– Вы курите, мистер Миллер? – Так же тихо и спокойно спросил Стоун.

Я был уже на седьмом небе. Я представлял, как охает Дороти, как она и доктор Мэтьюс восторженно смотрят на меня через зеркальное стекло. Все-таки я тщеславен, но в этом нет ничего плохого, особенно если тебе удалось то, в чем на протяжении полутора лет все твои коллеги терпели фиаско.

– Нет, Эрик, не курю, – ответил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не наброситься на парня и не заключить его в крепкие объятия.

– Вы что, купили сигареты специально для меня?

– Да, а что в этом странного!

– Зачем? – Эрик пожал плечами.

– Что значит зачем? – Переспросил я и поймал себя на мысли, что действительно не совсем понял, о чем толкует парень.

– Зачем вы купили для меня сигареты?

И вот эта фраза меня расстроила, потому что сказана она была совершенно определенным тоном, который очень даже мог означать: «Нет, чувак, я все равно тебе ничего не скажу». Однако я быстро собрался и решил продолжить беседу в непринужденной манере, не свойственной большинству людей моей профессии.

– Знаешь, Эрик, – начал я. – Не стану притворяться! Да и вообще, к черту все эти условности! Я очень рад наконец услышать твой голос!

– Просто... Спасибо за сигареты, мистер Миллер, – он кивнул.

– Если тебе еще что-то нужно, ты говори, не стесняйся.

– Я бы хотел... – он задумался, и я на секунду испугался, что он снова сейчас замолчит на долгое время, но Эрик продолжил. – Книгу.

Вот это была несказанная удача! Интересно, что хотел почитать этот мальчик. Тут я поймал себя на мысли, что уже не думаю о нем как о жестоком убийце. Он был для меня испуганным несчастным ребенком. И если честно, мне это не понравилось, потому что, прежде всего,

я должен был помнить, кто сидит передо мной, но я не мог справиться с охватившим меня счастьем от нашего общего прорыва.

– Какую книгу, Эрик? Какую книгу ты бы хотел? Думаю, это не будет проблемой.

– А вы сможете достать любую? – Интонации его не менялись, голос был так же спокоен.

– Думаю, да, – сказал я и тут же осекся.

Нельзя было обещать того, чего не сможешь выполнить, особенно теперь, когда он начал говорить со мной. А вдруг он попросит у меня трагедию «Эдип» или «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Как простой обыватель и большой любитель литературы, я считал, что Сэлинджер не таил в себе никакой опасности. Но как психиатра меня не мог не настораживать тот факт, что именно этой книгой был одержим Джон Хинкли и именно эта книга вдохновила Чепмэна на убийство Леннона. Хотя я до сих пор не понимаю, что люди находят в этом романе. Мне кажется, его революционный дух сильно преувеличен. Однако наш парень оказался куда более просвещен и оригинален. Эрик попросил принести ему «Праздник, который всегда с тобой». Я растерялся: Хемингуэй был последним из писателей, чье имя я ожидал услышать от малолетнего преступника.

– Тебе нравится эта книга? – Спросил я.

– Да, – ответил Эрик.

– Хорошо, я спрошу у доктора Мэтьюса. Думаю, он разрешит.

Рассуждая о Хемингуэе и психических расстройствах, я вдруг осознал, что, в самом деле, более близких понятий, чем Хемингуэй и ружье, нельзя себе, пожалуй, представить. Однако тут же прогнал от себя эту крамольную мысль и обратился к Эрику.

– Ты что-нибудь еще читал из Хемингуэя?

– Нет, только это.

– А что-нибудь знаешь об авторе?

– Нет, только то, что он жил в Париже, – с этой фразой в душе воцарился покой.

Раз парень не знал ничего про ружье, значит, можно было расслабиться.

После того, как мы попрощались с Эриком, я отправился в кабинет к доктору Мэтьюсу, где меня встретили радостные крики поздравлений. Я скромно поблагодарил коллег за поддержку и отметил, что впереди еще много работы, а времени оставалось совсем мало. К тому же, у меня был только один следующий день, чтобы перечитать «Праздник, который всегда с тобой» и постараться хотя бы предположить, что именно привлекло малолетнего преступника в этом невинном произведении. Да, Эрик Стоун был жестоким убийцей, и я гнал от себя все, что могло убедить в обратном. Не стоило обольщаться по поводу его внешности, приятного голоса и безупречного литературного вкуса.

По пути домой я зашел в книжный и купил два экземпляра: один – для Эрика, другой – для себя. Вернувшись в номер отеля, где я жил уже два месяца, и который стал для меня практически вторым домом, я позвонил жене. Мы долго говорили, она рассказывала, что готовит на ужин и как им меня не хватает. Потом я попросил позвать к телефону нашу дочь. Я просто обязан был задать ей один очень важный вопрос.

– Милая, ты читала «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя?

– Что?

– «Праздник, который всегда с тобой» Эрнеста Хемингуэя?

– Нет, не читала. А что?

– Да так, ничего. А как думаешь, кто-нибудь из твоих друзей читал?

– Думаю, что нет, но, если хочешь, я могу поспрашивать в школе.

– Нет, не стоит, я все понял.

– А что, интересная книга? – Хихикнула дочка.

– Многим нравится, – ответил я.

Мы поговорили еще немного и попрощались.

Следующий день я посвятил чтению. И хотя книга небольшая, я читал очень внимательно, выбирая моменты, которые можно было бы обсудить с Эриком. Наконец я закончил и решил встретиться с Дороти, чтобы поговорить о дальнейшей стратегии и линии поведения с нашим «обаятельным убийцей». Именно так я назвал его про себя, и меня это напугало. Когда я позвонил Дороти, она как раз дочитывала «Праздник, который всегда с тобой». Могу поспорить, и Мэтьюс, и весь персонал клиники засели этим вечером за Хемингуэя.

На следующий день я вновь пришел к Эрику. Мы поздоровались – он приветствовал меня кивком головы. Я выложил на стол сигареты, зажигалку и протянул книгу.

– Спасибо, мистер Миллер, – поблагодарил Стоун.

Я решил не тратить попусту время и сразу перейти к беседе, которая, как я предполагал, должна была быть долгой и познавательной. Но с этим парнем никогда нельзя было знать ничего наперед.

– Почему тебе нравится эта книга, Эрик?

– Не знаю, – он пожал плечами.

– И все-таки, если подумать? Меня, например, захватывают описания Парижа, – это была чушь. Никакие описания меня не захватывали, да и много ли описаний у Хемингуэя, которые действительно могут захватить, но надо же было с чего-то начать. – Ты был в Париже?

– Нет.

– Тогда что? Любовная история?

Эрик снова молча пожал плечами.

– А та глава, про Скотта Фицджеральда, как тебе?

– Мне нравится.

– Ты читал Фицджеральда?

– Нет.

– Ты еще что-нибудь читал? Какие книги ты любишь?

Эрик снова пожал плечами, потом очень серьезно посмотрел на меня и сухо сказал:

– Спасибо, мистер Миллер, за книгу. Но если вы думаете, что я стану говорить о себе, то нет, не стану, – он достал из пачки сигарету и закурил, снова жадно и глубоко затягиваясь.

– Эй, парень, ты о чем? – Я был расстроен таким заявлением.

– Вы же теперь ждете, что я начну рассказывать о себе и о том... В общем, не стоит. Спасибо за сигареты и все такое.

– Эрик, не надо так сразу... – я, честно говоря, растерялся. – Почему бы нам просто не пообщаться, не поговорить о... Да, о чем угодно!

– Мы уже достаточно поговорили, мистер Миллер, а вы уже и так достаточно всего знаете из моего дела.

Я был поражен тем, насколько зрело и серьезно рассуждал этот мальчик. И еще больше тем, насколько он был категоричен. Однако, справившись с вновь заставшими меня врасплох эмоциями, я решил идти до конца.

– Послушай, Эрик, то, что я знаю из твоего дела, не имеет никакого значения, потому что, если ты не начнешь с нами сотрудничать, если не поймешь, наконец, что мы на твоей стороне, то через несколько месяцев отправишься отсюда напрямую в тюрьму, сначала – для несовершеннолетних, а потом – во взрослую. И знаешь, это не самые лучшие места. Он только пожал плечами. Я еще долго говорил ему о том, что ему следует больше доверять своему адвокату и мне. Я даже рассказал ему про возможное признание его невменяемым, что практически гарантировало бы его помещение в клинику, но на все мои пылкие речи он отвечал лишь, мотая головой. И теперь это совершенно определенно означало, что он мне ничего больше не скажет.

Оставшееся время мы провели на том же уровне, с которого начинали: Эрик сидел напротив, кусал губы, курил и не говорил ни слова. При этом несколько раз – могу поклясться – я замечал в его взгляде настоящую мольбу. Он как будто отчаянно просил оставить его в покое.

Через три с половиной месяца Эрик предстал перед судом. Когда мы виделись в последний раз, он лишь сказал: «Прощайте, мистер Миллер», – и протянул мне книгу, но я ответил, что он может оставить ее. Это был его шестнадцатый день рождения. Эрик как всегда много курил и большую часть времени смотрел куда-то мимо меня, мимо белых стен. У меня же по-настоящему сжималось сердце – за это время я успел привязаться к мальчику, хотя и старался ни на минуту не забывать, что он был преступником, и не просто преступником, а настоящим убийцей, который, похоже, даже не раскаивался в том, что сделал. И все-таки, мне было жаль его. В глубине души я понимал, что тюрьма никого не исправляет – она только делает из оступившихся людей настоящих монстров. Я смотрел на шрамы, которые остались на запястьях Эрика после попытки самоубийства в том специнтернате: они были небольшие и аккуратные, если так вообще можно сказать о шрамах, и пересекали рисунок вен на обеих руках под прямым углом.

2.

Вновь я услышал об Эрике Стоуне в 2003. Это был год его совершеннолетия. Помню, как поздно вечером позвонила Дороти. Мы с Элизабет как раз проводили дочь, которая гостила у нас. Надо сказать, что Дороти и я, хоть и сохраняли прекрасные отношения, закадычными друзьями никогда не были, и после того, как Стоуна отправили в колонию, она звонила два-три раза, чтобы уточнить какую-нибудь профессиональную информацию. На этот раз она была расстроена и, кажется, даже не пыталась этого скрыть.

– Со Стоуном опять беда! – сказала она, как будто Стоун был ее сыном.

– С кем? – переспросил я.

– Ну, помнишь того парня, Эрика Стоуна?

– Господи! Дороти! Пять лет прошло! Ты что хочешь, чтобы я всех психов помнил! – соврал я.

На самом деле я сразу понял, о ком речь. Как-то слишком сильно этот мальчик запал мне в душу. И хотя я был от этого не в восторге, поделаться ничего не мог. Ему, должно быть, почти двадцать один, прикинул я.

– Мне позвонили, Фрэнк, – продолжала Дороти. – Он снова совершил попытку самоубийства. Знаешь, три месяца осталось до его совершеннолетия...

Пока Дороти подбирала слова для продолжения разговора, я размышлял, что, наверное, парню совсем паршиво – второй раз и снова неудачно. Столько людей хотят жить, но гибнут при самых разных обстоятельствах, отчаянно хватаются за жизнь, но все равно умирают в катастрофах, на многочисленных войнах, от рук бандитов и маньяков. Эрик Стоун, судя по всему, совсем не хотел жить, но умереть ему никак не удавалось – несправедливо, подумал я. Даже не вдаваясь в подробности, мне кажется, что право на смерть человек заслужил, каким бы плохим или сумасшедшим ни был. Дороти прервала поток моих мыслей.

– Мне неловко просить тебя, Фрэнк, но со мной он так и не говорил ни разу. Тебе же удалось тогда что-то из него вытянуть. Я подумала, может быть, ты приедешь и попробуешь?

– Дороти, зачем тебе это? – Попытался я уговорить самого себя не вестись на эту авантюру.

– Не знаю. Мне его просто безумно жаль...

– Плохая отговорка для адвоката, – сказал я, твердо решив выезжать рано утром. – Где твой профессионализм? Где твой холодный рассудок?

Эти вопросы, впрочем, я адресовал больше самому себе. Помимо всего прочего, во мне проснулось и дремавшее почти пять лет любопытство, ведь мы тогда так и не услышали версию самого Эрика. Что может сказать теперь уже взрослый парень по поводу убийства своего отца в четырнадцать лет?

Версию о том, что меня вновь ждет встреча с молчаливым испуганным ребенком, я даже не рассматривал. Пять лет в колонии для несовершеннолетних – хочешь – не хочешь, заговоришь. Вряд ли эти пять лет прошли незаметно. Теперь-то, и я был в этом почти уверен, Эрик, наверняка, выглядел как самый настоящий преступник. Даже после нашей с ним встречи, я ни на секунду не переставал верить в теорию моей жены, а Элизабет никогда не ошибалась в людях. Она практически с первого взгляда определяла, плохой перед ней человек или хороший, и передала эту способность нашей дочери, которая к своим двадцати годам ни разу не связывалась с сомнительными типами.

– Так я могу на тебя рассчитывать, Фрэнк? – Уточнила Дороти.

– Да, я приеду завтра, – быстро ответил я, и мы попрощались.

Если бы кто-то мог тогда объяснить мне, чем этот убийца так привлек мое внимание, я бы щедро отблагодарил, но ответа, увы, не было.

Я ехал в психиатрическую клинику Святого Иуды с тяжелым сердцем. Мне всегда было особенно нелегко разговаривать с неудавшимися самоубийцами, а тем более, у Стоуна это была уже не первая попытка. Что ты можешь сказать человеку, которому только что отказано было даже в смерти! То есть, самоубийцы, как правило, и так ощущают себя безнадежными неудачниками в самых разных аспектах жизни, когда решаются свести с ней счеты, и снова – такой провал. Что тут скажешь! Некоторым можно было напомнить о маленьких радостях, о семье и детях, о бабушке в Алабаме или племяннике в Неваде, но, думаю, Эрику Стоуну, я не мог напомнить ни о чем, что бы вызвало более или менее приятные воспоминания. Я не мог просто подойти, похлопать его по плечу и сказать: «Эй, парень, все не так уж плохо». В его случае все было плохо и в перспективе, даже в самой радужной, должно было стать только хуже. Двадцать один год – тюремная решетка, а я был твердо уверен, что он бы там долго не протянул. И дело было не в его характере – об этом, к тому же, я не имел ни малейшего представления. Статистика и личный профессиональный опыт убеждали меня, что неудавшиеся самоубийцы нередко доводят задуманное до конца, а этот мальчик пытался уже дважды, и, кажется, был настроен решительно. Но это была только моя точка зрения – того, что творилось в голове у Эрика, я и представить не мог.

Дороти встретила меня у входа в клинику, куда я направился сразу по приезду. Она рассказала мне, что Эрик снова вскрыл себе вены. «Завидное постоянство», – отметил я, но Дороти не оценила иронии и осуждающе посмотрела на меня. Очередной сеанс терапии был назначен на три часа следующего дня, и Мэтьюс с огромным удовольствием был готов уступить свою смену мне. У меня было еще время, и я предпочел потратить его на беседы с врачом, работавшим в колонии, с Дороти и с персоналом клиники, который занимался случаем Стоуна. Не скрою, у меня были кое-какие предположения по поводу того, почему парень решает покончить с собой в колонии для несовершеннолетних. Мне приходилось сталкиваться с подобными делами раньше, и большинство из них, к сожалению, не отличались оригинальностью. К тому же, я отлично помнил, каким привлекательным был Эрик.

Тюремный врач Джонатан Линкольн был на редкость мерзким типом. Он передал мне карту Стоуна и подтвердил все догадки. «Принуждение к половому акту с применением физического насилия» – значилось в деле. Очень сухая формулировка, отметил я про себя, продолжая листать. Карта была довольно объемная. Эрик был частым гостем в небольшом госпитале при колонии. Переломы, растяжения, ушибы и рассечения, – все получено в драках. Ничего удивительного. «Острое отравление неустановленным веществом» – эта запись меня заинтересовала.

– Что это? – Обратился я к Линкольну, указывая на поставленный им же диагноз.

– Мы так и не поняли, чем именно он отравился, но, судя по тому, в каком состоянии его доставили, мы констатировали попытку самоубийства.

– Да неужели? – Я был поражен.

Трижды парню не повезло. Действительно, какой-то злой рок.

Я продолжал листать карту, где все было тщательно задокументировано, в том числе и визуально. На фото были две татуировки Эрика. Одна сзади на шее – «Лучше умереть» и слово «Никогда» на левом плече. Хотя, вторая, как мне показалось, была не завершена.

– Что вы еще можете сказать о нем, доктор Линкольн? – Повернулся я к Джонатану.

– Стоун часто попадал сюда, – начал он. – Вспыльчивый парень. Постоянно с ним были какие-то проблемы. Сказать честно, так поскорее бы его перевели.

– Проблемы? – После такого глупого замечания Линкольн мне окончательно разонравился. – У вас тут просто бардак! Парень, судя по записям, не раз подвергался изнасилованию! Проблемы *у вас!* – Неодобрительно заметил я.

– Это не курорт, мистер Миллер, – холодно ответил он. – Здесь такое случается постоянно.

– Ладно, я все понял. Спасибо, доктор Линкольн.

На этом мы попрощались, я отдал ему карточку и поспешил к Дороти.

Мы беседовали об Эрике Стоуне. Дороти сообщила, что он не желает ничего рассказывать и идти на контакт. Впрочем, с чего бы ему разговаривать с ней – они не виделись пять лет, к тому же, она была адвокатом, который парню, похоже, был совсем не нужен.

На следующий день я пришел на встречу. Я не знал, как все повернется, и не представлял, о чем мне разговаривать с этим парнем, но, как я уже говорил, любопытство и профессиональный интерес делали свое дело. Я не очень верил и в то, что трюк с сигаретами сработает во второй раз, но все же захватил с собой пачку.

– Привет, Эрик, – сказал я, едва войдя в ту же комнату для встреч, где мы виделись без малого пять лет назад.

Стоун стоял спиной ко мне, уставившись в зеркальное стекло и скрестив руки на груди. Он заметно подрос и возмужал: у него было атлетическое телосложение, сильная спина, натренированные руки, волосы теперь были коротко пострижены. Я вошел, небрежно бросил блокнот, ручку и сигареты на стол. Эрик все это время ничего не говорил и как будто даже не шевелился. Я сел и продолжил монолог.

– Мы встречаемся с тобой при слишком уж похожих обстоятельствах, тебе не кажется? – Я хотел, чтобы мой голос звучал непринужденно, чтобы я ни в коем случае не походил на своих коллег. – Похоже, у меня снова есть всего лишь несколько месяцев, чтобы убедить тебя поговорить.

– Что вы хотите, чтобы я рассказал? – Неожиданно ответил он, не поворачиваясь.

– О! Ну это гораздо быстрее! – Усмехнулся я. – В прошлый раз, помню, на это ушло месяца два.

– Это очень смешно, – отрезал Эрик, развернувшись, наконец, ко мне. И, могу поклясться, в этот момент я чуть не упал со стула.

Определенно, того напуганного мальчика уже не было. Теперь на меня смотрели полные неприкрытой ненависти глаза, но не это потрясло меня. Через правую часть лица у парня проходил шрам: почти от самой брови он скользил по скуле и щеке. И хотя он был, судя по всему, давний, впечатление производил жуткое. Да, это была солидная доля уродства для такого лица, каким обладал Эрик. Стоун смотрел на меня, оставаясь стоять у стекла, как будто ожидая очередной глупой фразы, но на минуту слова покинули меня. Я был возмущен. До глубины души возмущен тем, что ни доктор Линкольн, ни Дороти ни словом не обмолвились о столь очевидных изменениях во внешности Эрика. И ведь в медицинской карте ни слова не было об этом шраме. Но тут же осекся, вспомнив, что не дочитал «историю болезни» до конца, стремясь как можно скорее распрощаться с мерзким тюремным докторишкой.

– Что с тобой случилось, Эрик? – Я не стал скрывать удивления. Пусть знает, что я живой человек, а не напичканный психиатрической литературой автомат.

– С годами методы не меняются, – хмыкнул он, указывая на сигареты, словно и не слышал моего вопроса.

Ничего, парень, мне не сложно, я могу повторить.

– Что у тебя с лицом? – Снова спросил я.

– Не надо разыгрывать удивление, Миллер! – Бросил он, закуривая.

– Я не разыгрываю.

– Значит, ты хреновый психиатр – не подготовился к встрече. Все предыдущие были в курсе. Кстати, мой адвокат тоже в курсе. Она что тебе не сказала? – Сарказм сочился из него как яд из зарубки на стволе отравленного дерева.

Я решил не реагировать на злобные выпады и продолжал гнуть свою линию.

– Не сказала. Так что произошло?

– Что произошло? – Он подошел, сел на стул напротив меня, положил руки на стол и, не сводя с меня своих глаз цвета хаки, продолжил. – Я пристрелил своего отца семь лет назад. Ты что забыл, Миллер?

Уважение теперь не было его коньком. Я утвердительно кивнул, потом посмотрел на его руки.

– Эрик, почему ты снова сделал это? – Я указал на перебинтованные запястья.

Он протаранил меня взглядом, но ничего не ответил.

Смотреть ему в глаза было очень тяжело – он буквально пригвождал к стулу, и как ни старался, я не мог справиться с этим ощущением. Спустя несколько мгновений, Стоун посмотрел на свои руки и снова встал.

– Ерунда! Бесполезно! – Теперь в его голосе я слышал разочарование.

Эрик курил одну сигарету за другой и периодически недоверчиво поглядывал на меня. Да, он вырос и превратился из напуганного молчаливого мальчишки в эдакого крутого парня, который за словом в карман не лез. Все это не очень вязалось у меня с тем, что я видел пять лет назад, но зато теперь внешний образ начал приближаться к тому, чем этот парень был на самом деле, быстро разрушая ненужные иллюзии. Теперь все, кажется, было правильно: убийца должен быть злым, грубым, и этот шрам на лице отлично дополнял общую картину. Давай-давай, Эрик, думал я, кто бы сомневался, что так все и будет!

– Честно говоря, я не очень понимаю, о чем с тобой сейчас говорить. Предполагаю, что не о Хемингуэе, – ехидно усмехнулся я. – Но, может, ты мне скажешь, так, для галочки, что-нибудь изменилось в твоём желании помочь себе?

– Нет.

– Отлично, тогда мне здесь делать нечего, – быстро заключил я и начал собирать вещи. Однако Эрик решил продолжить беседу.

– Тебе нравится? – Спросил он.

– Что? – Не понял я.

– Тебе нравится, Миллер? – Он указал пальцем на свое лицо.

– Нравится? О чем ты?

– Ты думаешь, я хорошо выгляжу? Вы все говорите, что я красивый. Это красиво, ты думаешь?

– Нет, – отрезал я, не в силах больше терпеть его издевательский тон. – *Это* некрасиво, – я взял со стола пачку сигарет. Стоун заметил и отреагировал немедленно.

– Не предложишь мне оставить пачку? Не обещаешь приносить еще сигарет? Теперь ты не испытываешь ко мне жалости, да?

– Ты знаешь, мне очень тебя жаль, – я все еще пытался оставаться спокойным. – Потому что, похоже, ты совершенно не представляешь себе, что такое тюрьма. Тебе известно, что там делают с такими как ты...

От этой моей фразы он разразился злым издевательским смехом.

– Что такого, о чем я еще не знаю? Ты же говорил с врачами! Тебе все сказали? Что еще ты можешь мне рассказать? Чем будешь меня пугать, Миллер?

Я замер, немного подумал, потом посмотрел на Эрика, на его злую ухмылку и сказал себе: какого черта, Фрэнк, хватит церемониться с этим ненормальным! Он хотел играть по жестким правилам, и я вполне мог составить ему компанию, к тому же, меня просто достал его тон. Он стоял передо мной, такой уверенный в себе, такой непреступный и непробиваемый, такой умный. Что ж, Эрик Стоун, хотя не очень приятно это признавать, но я много думал о тебе, и кое-что пришло мне в голову.

Я задумался об этом еще когда смотрел его медицинскую карту в кабинете Линкольна. Тогда у меня промелькнуло в очередной раз: бедный мальчик. Но сейчас эта моя догадка, в истинности которой я, впрочем, несколько не сомневался – хотя по тому, как держался этот парень, никогда нельзя было бы предположить такого – была козырем в рукаве. У меня припасен для тебя контрольный выстрел, Эрик Стоун, малолетний убийца своего отца, подумал я и как бы между прочим произнес:

– Я тут подумал, Эрик, ты ведь с четырнадцати лет мотаешься по спецучреждениям. Слушай, а ты хоть раз был с девушкой? – Я сделал паузу, украдкой наблюдая за Стоуном и за тем, как меняется выражение его лица, а потом закончил. – Нет, правда, тебе же почти двадцать один. Я подумал, наверное, паршиво...

Я видел, как изменился весь его вид, слышал, как прерывисто он задышал, однако мой выпад возымел даже больший эффект. Я недооценил свою проницательность и неожиданно вторгся на территорию, которая была у этого парня под грифом «Вход воспрещен».

– Убирайся на хрен, Миллер! – Прошипел он, скинув со стола пепельницу и зажигалку, и быстро перешел на крик. – Я не просил тебя приходить! Я не просил лезть ко мне! Оставьте меня, наконец, в покое! Убирайся на хрен отсюда!

Бьюсь об заклад, если бы у него под рукой что-то было, он бы швырнул это в меня.

Я поспешил выйти, а остальное доверил санитарам, которые быстро увели Стоуна в палату.

– Что ты себе позволяешь? – Фыркала на меня Дороти, когда мы встретились в кафе. – Зачем ты это сделал, Фрэнк?

– Сделал что? – Я частично еще находился в своих мыслях, которые очень быстро сменяли друг друга. – Поставил парня на место?

– Ты же знаешь, с пациентами так нельзя!

– С пациентами? А он не пациент! Он преступник, Дороти, опасный преступник! К тому же, весьма самодовольный грубиян. И я не собираюсь с ним нянчиться! Он хотел такого общения, он его получил. И кстати, могла бы предупредить меня о его шраме.

– Это есть в его карте, Фрэнк. Я думала, ты читал ее.

– Этот Линкольн так достал меня, – я перешел к оправданиям, осознав, в каком глупом свете только что себя выставил. – До шрама я не дошел. Что там случилось? Кто его так?

– Он сам.

– Что? – От удивления я выронил вилку, и та звонко упала на фарфоровую тарелку.

Дороти кивала головой.

– Черт! – Только и смог протянуть я.

– Да, это было еще в самом начале его пребывания в колонии. Никто до сих пор не знает, зачем он сделал это, и как бы далеко зашел, если бы его не остановили.

– Этому парню для полного успеха не доставало воды и уединения.

– Что ты имеешь в виду? – Не поняла Дороти мой черный юмор.

– То, что будь он один в ванной с теплой водой, у него все бы получилось еще в первый раз, мы бы избежали многих проблем, и все были бы довольны результатами.

Дороти неодобрительно качала головой, а я все больше убеждался в необходимости того, что мне следовало предпринять еще пять лет назад. Этот Эрик Стоун при своей привлекательной внешности – и теперь я мог заявить это абсолютно уверенно – сам считал себя абсолютно не красивым и, возможно, даже уродливым. Именно поэтому его так бесили все эти наши «симпатичный парень» и «ты хорош собой». Я мог дать голову на отсечение, что был прав, потому что иначе с чего бы ему было уродовать свое лицо. Теоретически возможен был еще вариант, что, парень, осознающий свою красоту, пытается намерено испортить ее, но это точно был не случай Эрика – слишком пафосно. Ну а если вполне симпатичный парень считает себя совершенно не красивым, отправляйтесь искать скелеты в семейных шкафах.

– И что ты теперь думаешь делать? – Вдруг так кстати спросила Дороти.

– Я хочу поговорить с его матерью, – ни секунды не задумавшись, ответил я.

– С его матерью? – Глаза Дороти округлились.

Она предположила, что я уже готов был уехать домой и бросить это гиблое дело, но я и не думал сдаваться.

– Да, я хочу поговорить с этой Джинной Стоун. Она же живет где-то неподалеку?

– Да, но она отказалась даже в суде выступать и, вообще...

– Так пусть теперь со мной поговорит, – перебил я. – Пусть попробует объяснить свое свинское поведение! Мы тут как два благородных рыцаря-идиота, пытаемся взять непреступную крепость под названием Эрик Стоун, а она... Где она? Хоть раз она навестила своего сына? Пусть он последний подонок, пусть конченный псих, но она же мать, в конце концов!

Я был действительно возмущен, и с каждым произнесенным словом негодование мое росло.

– погоди-погоди, – быстро заговорила Дороти. – Так ты не бросаешь это дело?

– Нет. Пока нет.

– Позволь узнать причину?

– То, как парень отреагировал на мои слова, – я задумался, ведь на самом деле, не ожидал такой истерики. Я хотел лишь поставить его на место, кольнуть побольнее и заставить замолчать.

– Ты думаешь, его мать что-то знает?

– Я думаю, там что-то не так. Но если ошибаюсь, Дороти, я умываю руки.

Она понимающе согласилась, и на этом мы расстались.

Узнать адрес матери Эрика не составило труда – все было в полицейских отчетах. Честно признаюсь, когда ехал к ее дому, понятия не имел, о чем с ней говорить. Даже сейчас я не могу с уверенностью сказать, что ожидал от нее услышать. Думаю, я все же соврал Дороти, стараясь показаться более профессиональным и не выдать личное отношение. Реакция Эрика, конечно, была чересчур резкой, но я совершенно не знал, что она может означать. Этот парень был агрессивным преступником, да еще, к тому же, с маниакально-депрессивными замашками – от него можно было ожидать чего угодно, но, тем не менее, я был уверен, что семейная жизнь Стоунов – настоящая помойка, в которую любой дворовый пес мог бы радостно зарыться с головой.

Я подъехал к небольшому дому на окраине. Краска на стенах и входной двери потрескалась и облетела, занавески на окнах выгорели, деревянное крыльцо и ступеньки были некрашенные и подозрительно поскрипывали под ногами. К дереву, растущему во дворе, были неумело прилажены пластиковые качели, на которых, как было видно, давно никто не качался. Газон зарос сорняками; дорожка, ведущая от проезжей части к дому была грязная; тут и там валялись отлетевшие от нее куски старого асфальта. Я подошел и нажал кнопку звонка – он оказался сломанным. Тогда я постучал в дверь. Через некоторое время послышался тихий голос.

– Кто там? – Спросила Джина Стоун, не отодвигая занавески, закрывавшей мутное стекло.

– Меня зовут Фрэнк Миллер, я судебный психиатр и пришел поговорить о вашем сыне Эрике.

– Что случилось? – Ответила она, открывая дверь. – Я же говорила, что не буду давать никаких показаний.

Мать Эрика казалась приятной на первый взгляд женщиной, хотя лицо ее выглядело изможденным, а глаза – как будто потухшими. Она предстала передо мной в стареньком домашнем платье в горох и накинутой поверх вязаной кофты с вытянутыми от многочисленных стирок рукавами. Волосы ее были не уложены, в них слишком явно проглядывала седина.

– Да, знаю, – начал я. – Но я не собираюсь уговаривать вас выступать в суде, мисс Стоун...

– Проходите, – неловко сказала она, как будто стесняясь собственного дома.

Мы проследовали в небольшую неубранную гостиную. Там на диване сидела, перебирая что-то в руках, молодая девушка лет восемнадцати, которая, едва я вошел, быстро поднялась с места и поспешила наверх. Мисс Стоун же вела себя так, как будто никакой девушки и вовсе не было.

– Присаживайтесь, мистер... – она не запомнила моего имени, но это для меня было привычным делом.

– Миллер, – напомнил я.

– Да, простите, мистер Миллер. Хотите чай или лимонад?

– Нет, благодарю вас, – я сел на старый деревянный стул и достал блокнот.

Вообще, я не любил ничего записывать. Если того требовала ситуация, я предпочитал пользоваться диктофоном. Блокнот был, скорее, для придания важности.

– Так о чем вы хотели поговорить, мистер Миллер?

– О вашем сыне. Вы же ни разу не приходили навестить его в колонии?

Она качала головой, виновато соглашаясь со мной:

– Мне приходится очень много работать. У меня совершенно нет времени даже на то, чтобы привести себя в порядок...

– Мисс Стоун, – перебил я, потому что меня мало интересовали ее оправдания. – Расскажите, как получилось, что после развода Эрик остался с отцом?

– Скажите, как он? – Неожиданно участливо спросила она. – У него все хорошо?

– Нет, мисс Стоун, – сухо произнес я. – Он ожидает суда в клинике Святого Иуды и, скорее всего, надолго отправится в тюрьму.

– В клинике? Почему? Что с ним? – Ее заинтересованный тон продолжал меня удивлять.

– Эрик пытался покончить с собой, – сказал я. Мисс Стоун заохала и опустила глаза. – И это не первая его попытка.

– Бедный мальчик! – Она некоторое время продолжала охать и что-то причитать себе под нос, потом стала повторять, какая несправедливая штука жизнь, и уж это окончательно возмутило меня.

– Это не мальчик, мисс Стоун, – прервал я ее сетования. – Это ваш сын! Так может, вы скажете мне, как вышло, что после развода он остался с отцом? Какие у них были отношения? Какие у *вас* были отношения?

– Что? – Как будто не расслышала она, все еще с головой погруженная в свои причитания.

– Я говорю, мисс Стоун, что это ваш сын, а вы ни разу не удосужились навестить его! Да что там, вы даже не предприняли попытки защитить его в суде!

– Бедный мальчик! Бедный Эрик! – Продолжала она. – С ним все в порядке, мистер... – она снова забыла мое имя.

– Миллер, – вновь напомнил я. – Нет, с ним не все в порядке. И если вы не начнете отвечать на мои вопросы, то все будет еще хуже!

– Да-да, – неожиданно послушно отозвалась она. – Так о чем вы спрашивали?

– Почему вы оставили Эрика с отцом, а дочь забрали себе после развода? – В третий раз повторил я.

– У меня не было другого выбора. Поверьте, это все, что я могла сделать. Дженни была тогда такой маленькой и... – она оборвала речь на полуслове.

– Скажите, ваш муж, мистер Стоун, он был хорошим отцом? То есть, достаточно хорошим, как я понимаю, что вы оставили ему сына?

– Да вы что! – Она повысила голос и резко изменилась в лице. – Гореть ему в аду!

Я видел, что она сорвалась, не сдержалась и теперь сожалела о том, что только что слетело у нее с языка. Попалась – довольно заметил я про себя – теперь не уйдешь.

– Он был плохим человеком, мисс Стоун?

Некоторое время она молчала, потом заплакала и, не поднимая глаз, сказала, что не жалеет о смерти бывшего мужа. Еще бы, ей-то чего было жалеть, в тюрьме, ведь, сидел ее сын, а не она.

– Я не понимаю, мисс Стоун, – продолжал давить я. – Если ваш муж был таким плохим человеком, то, как вышло, что после развода ему позволили оставить сына?

– Я ничего не могла поделать! – Сорвалась она на настоящую истерику. – Он сказал, что мы должны поделить детей, иначе он заберет обоих! Я не могла этого допустить! Я хотела спасти хотя бы одного...

– И вы выбрали дочь.

Я был шокирован таким поворотом событий. Слова матери Эрика вселяли в меня страх перед тем, что еще я мог узнать об этой семейке.

– Да! Да! – Закричала Джина Стоун. – Я выбрала дочь!

– А Эрика отдали своему мужу?

– Да! – Снова залилась она слезами. – Хотя бы Дженни я могла сохранить, уберечь. А что мне было делать? Он бы отнял обоих...

– Что такого ужасного делал ваш муж? – Задал я главный вопрос.

Однако больше мисс Стоун ничего мне не ответила. Она вытерла слезы, как будто, вновь собравшись с мыслями, и велела мне немедленно убираться и не тревожить их больше. Она сказала, чтобы я оставил их семью в покое и дал им спокойно жить, и что она устала от всех этих расспросов.

Я ушел, но то, что я узнал, еще долго не давало мне покоя. У меня было ощущение, что Джина Стоун буквально принесла своего сына в жертву, чтобы сохранить дочь. Она оставила мальчика с отцом, который был, судя по ее словам, ужасным человеком. И что бы он ни делал с детьми, она прекрасно об этом знала... и все равно оставила сына. Разве это мать? Я представил, если бы кто-нибудь начал торговаться со мной за жизнь моей дочери. Нет, я даже не мог этого представить! Неужели она не любила своего сына? У меня даже возникла мысль, что Эрик был ей не родным, но позже я покопался в делах и убедился, что оба ребенка Стоунов были общими.

Я рассказал Дороти о том, что мне удалось узнать, и мы на неделю погрузились в подробное изучение дела Эрика, хотя, Дороти, могу поспорить, знала его наизусть. Однако как бы глубоко мы ни рыли, так ничего и не нашли. Все, что у нас было, это слова Джин Стоун «Гореть ему в аду». И это единственное, чем я мог апеллировать в разговоре с Эриком, но почему-то мне казалось, этого было не так уж мало. Главное – и я принял твердое решение – не отступать и не давать послабления. Главное теперь было долбить до конца, пока все стены форта Эрика Стоуна не рухнут. Для начала я решил еще немного подождать, чтобы мое появление стало для него неожиданностью.

Две недели спустя я снова пришел к Эрику, и он был неприятно удивлен этим.

– Я думал, ты больше не появишься, Миллер, – с порога заявил он.

– Ну, ты меня не знаешь, – спокойно ответил я. – Как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – усмехнулся он. – Без тебя гораздо лучше.

Я смотрел на него совершенно другими глазами. Теперь я не злился, я даже хотел помочь ему. Я не знал, что скрывается за его броней, но теперь, по крайней мере, я был уверен, что там определенно что-то есть. Даже его ненависть и грубость были направлены не на меня. Да на меня ему, возможно, и вовсе было наплевать.

– Послушай, Эрик, – я решил больше ничего не скрывать от него и быть предельно честным. – Не буду юлить, мы с Дороти, с мисс Честертон, твоим адвокатом, не хотим, чтобы ты отправился в тюрьму. И, кажется, мы нащупали способ, как этого добиться, – я сделал паузу, чтобы понаблюдать за реакцией Стоуна.

Он подозрительно и недоверчиво смотрел на меня, не говоря ни слова.

– На самом деле, есть даже несколько способов. Все зависит от тебя и от того, насколько ты сам захочешь.

– Перестань, Миллер! – Отрезал он. – Ты же говорил уже со следователями, с врачами и еще с дюжиной людей, которых я никогда не видел. Ты все знаешь, что тебе еще нужно? Оставьте меня в покое!

– Да, но я также говорил и с твое матерью, – выложил я первый козырь.

Лицо Эрика моментально переменялось. Былой запал и напускная бравада уступили место растерянности и страху. Да, именно страху. В один миг передо мной снова оказался напуганный пятнадцатилетний мальчик. Он смотрел на меня широко открытыми глазами через все пространство небольшой комнаты и тяжело дышал. Он смотрел прямо мне в глаза и как будто не мог поверить услышанному, губы его между тем беззвучно произнесли: «Что?» Он стоял спиной к зеркальному стеклу, и поэтому только я один видел, как он задал этот немой вопрос.

– Я говорил с твоей матерью, Эрик, – медленно повторил я.

Он подошел ближе и сел напротив. Стоун молчал, но все, что он хотел сказать, было буквально написано на его лице, причем написано крупными буквами. Он как будто спрашивал: «Ну и что она сказала?». Но вслух парень по-прежнему не произносил ни слова.

– Ты знаешь, почему она оставила тебя с отцом после развода? – Это был второй козырь, но я уже сомневался, стоит ли продолжать.

Эрик был выбит из колеи и не знал, что ему делать, куда спрятаться. Он не ответил на вопрос, тяжело вздохнул, опустил глаза, встал со стула, отошел к стене и отвернулся. Я не решался больше ничего говорить, отчасти потому, что боялся того, что могу услышать. Но я чувствовал, Эрик был на пределе и малейший толчок взорвал бы его. Именно на это я и рассчитывал, но теперь мне вдруг стало страшно: все-таки одно дело, когда перед тобой раскрывает душу пятнадцатилетний мальчишка, и совсем другое, когда на тебя выливаются откровения взрослого двадцатилетнего парня. К тому же, это был далеко не простой парень. Я сидел там, захлебываясь собственной жалостью и опасениями, подбирая слова. Но слова были давно подобраны, и они были просты.

– Эрик, что сделал твой отец? – Выстрелил я в третий раз.

Ответа не было, и тогда я повторил свой вопрос.

– Что сделал твой отец, Эрик?

Стоун по-прежнему стоял ко мне спиной, но я видел, как медленно поднимаются и опускаются его плечи от резких глубоких вдохов и выдохов. Я видел, как он закрыл лицо ладонями и так простоял еще минуты две. Он был готов сдаться. Так просто, подумал я. Так всё было просто. Один-два правильных вопроса. Только сложность всегда и заключается в том, чтобы найти эти нужные вопросы. Если бы все мы всегда задавали правильные вопросы, возможно, мир был бы другим.

– Он изнасиловал меня, – наконец заговорил Эрик, опуская руки. – Меня и мою сестру, – Стоун говорил очень тихо и медленно, делая большие паузы между короткими предложениями, иногда повторяя сказанное. – Не раз и не два.

На этом он повернулся и смотрел теперь мне в глаза. По щекам его текли слезы. При этом он не всхлипывал и не рыдал. Просто слезы ручьями текли из его глаз, сам же Эрик как будто не замечал этого.

– Не раз и не два, Миллер. Много раз, – он сел напротив и уставился на меня.

Я весь вытянулся, потому что ощущение было такое, что он смотрел мне не в глаза, а в самую душу, и говорил все это кому-то, кто существовал только в глубине моего сознания.

– Первый раз, когда мне было двенадцать. Он сначала сделал это с ней. А потом сказал, чтобы я тоже. А если я отказывался, он избивал нас. И я сначала думал, пусть лучше бьет меня. Но он начинал бить и сестру. Поэтому я делал, как он говорил. У меня просто не было выбора. Я не мог поступить иначе. Я не мог ничего сделать. Господи! Мне же было двенадцать лет! Что я мог... – он остановился, закусил нижнюю губу и замолчал на несколько минут.

Я не знал, что сказать. Я был раздавлен и размазан со всем своим психиатрическим опытом и образованием. Я был чисто по-человечески впечатан в белую стену этой тесной комнаты. У меня ком стоял в горле, так что говорить было невозможно. Я смотрел перед собой и больше не видел жестокого малолетнего убийцу. Не то чтобы теперь я мог оправдать Эрика, просто то, что он сделал, уже не казалось преступлением. Он больше не был для меня преступником. Теперь передо мной сидел маленький мальчик, которому страшно не повезло в жизни, который в самом невинном возрасте попал в мясорубку, беспощадно перемоловшую все светлое, что в нем было. Вместо жестокости я видел теперь только трагедию без начала и без конца. Мне вдруг захотелось подойти к Эрику, обнять его, положить руку ему на плечо и сказать, что все еще может быть нормально. Но, во-первых, я прекрасно знал, что нормально ничего уже быть не может, а, во-вторых, я не мог не то что оторваться от стула, я не мог даже пошевелиться. Но, как выяснилось, это была далеко не вся история, и через несколько минут Эрик продолжил.

– Потом мама забрала Дженни. А я остался. Я не знаю, почему она это сделала, – он закрыл глаза ладонью, сжал зубы и выдохнул. – По пятницам к нему приходили друзья. Они напивались. А потом приводили меня в эту комнату вниз. Я ненавижу пятничные вечера, – он вновь посмотрел мне прямо в глаза, уткнулся в ладонь и продолжил. – Потом меня отсылали к себе. Когда они уходили, он, бывало, снова звал меня. А если я не приходил... – Стоун вздохнул и поднял голову к потолку. – В общем, я приходил. И он снова мог делать это. Или бил меня. Когда бил, было не так уж плохо. Я даже думал, хоть бы он снова избил меня...

Эрик продолжал говорить, а мне хотелось закричать, чтобы он замолчал. Я уже все понял, и мое сердце просто разрывалось. Мне хотелось, чтобы парень остановился, но я сам вызвал этот поток, и теперь обязан был принимать все таким, как есть.

– И вот в один такой вечер, после того как его друзья ушли, я пошел к нему в комнату. Снял со стены ружье, открыл ящик, где он хранил патроны. Ключ я украл раньше. Я зарядил ружье и спустился вниз. Когда я вошел, он сидел ко мне спиной в своем кресле. Он крикнул, чтобы я убирался. А я просто подошел и наставил на него ружье. Потом в газетах писали, что я смотрел ему в глаза. Да мне насрать было на его глаза! Я спустил курок сразу, как оказался перед ним. И знаешь что, Миллер? – Он снова посмотрел на меня, пронизывая остатки того, что еще позволяло мне держаться, своими серо-зелеными глазами, и почти шепотом добавил. – И знаешь, если бы все вернуть назад, я бы снова сделал это. Только раньше.

Да я бы и сам пристрелил ублюдка, подумал я про себя. Теперь, зная все, видя полную картину произошедшего, я бы не только лично придушил отца этого парня, я бы наградил Эрика медалью за заслуги перед отечеством. Но вместо этого, единственное, что я мог, это попытаться сделать хоть что-нибудь, чтобы парень не попал в тюрьму.

Если вы спросите меня теперь, считаю ли я, что Эрик Стоун заслужил наказание за убийство, которое совершил в четырнадцать лет, я отвечу – нет. Более того, я скажу вам, что он совершенно не заслуженно провел столько лет в колонии для несовершеннолетних. Я буду

доказывать вам это с пеной у рта, я буду до последнего стоять на стороне Эрика, что бы вы мне ни говорили, какие бы доводы ни приводили.

Я сидел и думал обо всем, что услышал, но я совершенно не знал, что мне сказать этому парню. Еще минут десять мы провели в тишине, и все это время я старался не встречаться глазами с Эриком.

– Вот и все, – наконец заключил Стоун, нарушив одно из самых тяжелых молчаний в моей жизни. – Ты это так хотел узнать?

Я ничего не ответил.

– У тебя есть сигареты, Миллер? – Спросил Эрик.

– Да, – встряхнулся я, достал из кармана пачку и протянул ему.

Потом я достал одну сигарету для себя. Эрик, все еще державший в руке зажигалку, прикурил мне, не задавая вопросов. Я сделал затяжку и тут же закашлялся, а парень не сводил с меня глаз. Однако он никак не реагировал, хотя, могу представить, как нелепо я выглядел с сигаретой после десятилетнего перерыва. Эрик даже бровью не повел – просто смотрел на меня в упор. Мы выкурили по две сигареты молча. Закуривая третью, Эрик заговорил.

– Может, ты уже пойдешь, Миллер?

– Мы обсудим все с Дороти... с твоим адвокатом. Мы придем через пару дней, – затараторил я. – Думаю, мы что-нибудь придумаем.

Он только пожал плечами и указал на сигареты, как бы напоминая, чтобы я их забрал.

– Да, ерунда, – я снова старался говорить непринужденно, но ничего не вышло. – Оставь себе.

– Мне не разрешат, – он отрицательно покачал головой.

Я ничего не ответил, только махнул рукой, как бы говоря: «Я договорюсь, не беспокойся», – и вышел из комнаты.

Через несколько дней мы с Дороти вновь пришли к Эрику. Он сидел на стуле напротив нас и, как всегда, много курил. Надо признать, теперь вся картина гораздо больше напоминала цивилизованную встречу адвоката со своим клиентом, а я, как будто, был тут просто «для мебели». Сначала Эрик был молчалив, но по его взгляду я понял – ему не нравилось, что Дороти тоже знала историю. Думаю, отчасти потому, что она, как ни старалась, не могла скрыть жалость.

Большую часть времени Стоун смотрел мимо нас, куда-то вдаль на белые стены и переводил взгляд, только когда отвечал на вопросы, да и то не всегда. Руки он держал на столе, и так как бинты ему сняли, шрамы на запястьях были теперь обнажены. Увидев их, я удивился, как парню удалось выжить. Это были не аккуратные неумелые подростковые шрамы. Теперь они шли вдоль, рассекая рисунок вен по всей длине. Это выглядело не просто не привлекательно, это выглядело по-настоящему страшно, и я старался больше не задерживать взгляд на запястьях Эрика. Совершенно точно, будь у него еще несколько минут одиночества, он бы сейчас не сидел перед нами.

– Послушай, Эрик, – говорила Дороти, – Вот что мы сделаем: мы дадим полную характеристику личности твоего отца прежде, чем обвинитель начнет допрос. Уверена, присяжные не останутся равнодушными.

– Нет, – парень отрицательно замотал головой. – Я не буду ничего рассказывать в суде.

– Но, Эрик, иначе мы не сможем...

– Нет, – перебил он.

В общем, как человек и как мужчина, я отлично понимал Эрика. Я бы тоже не стал рассказывать дюжине незнакомых людей о таких подробностях. Но как судебный психиатр я знал, что только так можно переманить присяжных на свою сторону, а в наших судах именно это было главным. По большому счету, не имело никакого значения, ни само преступление, ни

доказательства, ни справки и диагнозы. Главное – заставить присяжных встать на твою сторону, главное – заставить их сопереживать, испытывать жалость или ненависть.

– Хорошо, послушай, – вступил в разговор я. – Тогда можно поступить следующим образом: Дороти будет говорить, а от тебя потребуется лишь подтверждение ее слов. Пойдет?

Он кивнул, но при этом я видел, как неприятна была ему вся эта затея. Он смотрел на меня как на предателя, разболтавшего все государственные тайны его маленького королевства.

– Я только не понимаю, Миллер, к чему это все? – Спросил он. – Это же не отменяет того, что я убил своего отца...

– Знаешь, я думаю, учитывая обстоятельства, которые непосредственно предшествовали моменту убийства, это поможет нам свести все к состоянию аффекта...

– Миллер! – Он опять не дал мне договорить. – Я украл ключ от ящика с патронами за день до этого! Какой аффект!

Черт, эта деталь совершенно вылетела у меня из головы!

– Послушай, – вступила Дороти. – Мы свяжем это с обстоятельствами того вечера и глубокой психологической травмой, – она замолчала на секунду, как будто готовясь к очень важному заявлению. – В тот вечер он избил тебя или... – она слишком затянула паузу, подбирая нужное слово, хотя, оно было вполне очевидным.

– Или, – быстро утвердительно ответил Эрик. – Но кому какое дело!

– Вот видишь, – Дороти, кажется, немного воодушевилась, но я не понимал, почему. – После такого ты просто не мог отдавать себе отчет в своих действиях.

– Нигде это не записано, а значит, мисс Честертон, ничего не было, – отрезал Эрик.

– Но ведь должны были остаться следы...

– Никому это было не нужно, никто ничего не проверял! Никаких следов!

– Не надо отчаиваться, – продолжала Дороти. – Я верю, что мы сможем убедить присяжных.

– Все бесполезно, и вы это знаете, – Эрик встал и направился к двери. – Я устал, простите, не могу больше разговаривать.

С этими словами он постучал в дверь. На стук прибыли два санитара, которые отвели его в палату.

Оставшееся время мы редко бывали у Эрика и все больше находились в разъездах. Мы навестили даже патологоанатома, который делал осмотр тела отца Стоуна и заключение о смерти, в надежде отыскать хоть какую-нибудь зацепку. Но все было тщетно – ничего такого, что нам ни было бы уже известно, мы не находили.

Мы пытались убедить Эрика, что у него все еще были шансы попасть в клинику и избежать тюрьмы. И хотя он не особенно верил в наши уговоры, теперь я понимаю, что все это только усугубляло ситуацию. К тому же, обвинителем выступал Уолтер Ригби, а это не добавляло нам шансов. О том, что у него нет ни души, ни сердца, знали все на Восточном побережье и кое-кто на Западном. Мы пытались встретиться с Уолтером и попробовать смягчить его, но он лишь сухо дал понять, что намерен упечь нашего парня по полной программе, и чтобы мы даже не надеялись на «всякие фокусы».

На суде все наши попытки склонить присяжных на свою сторону рухнули прежде, чем Дороти начала говорить. Во-первых, в жюри, в основном, были мужчины с непробиваемыми лицами, а во-вторых, Ригби в самых ярких красках нарисовал картину жестокого спланированного убийства. Всё закончилось тем, что во время допроса обвиняемого он вообще поставил под сомнение правдивость всей этой истории с изнасилованиями.

– Так вы утверждаете, что отец совершил над вами действие сексуального характера против вашей воли, мистер Стоун? – Без каких-либо эмоций уточнил Ригби во время перекрестного допроса.

– Да, – кивнул Эрик, не понимая, к чему клонит обвинитель.

Но я отлично понимал, к чему он клонил, и было наивно предполагать обратное. Да, с его точки зрения, все именно так и обстояло: если ребенку с малых лет давать понять, что то или иное действие (в нашем случае – сексуальная связь отца и детей) является нормальным, то ребенок и будет расти с четкой позицией по этому поводу. Проще говоря, если вам все детство внушали, что шляпу следует называть, к примеру, «миксером», выйдя во взрослую жизнь, вы никогда не задумаетесь, что перед вами именно миксер, когда увидите даму в шляпе. Возможно, это сравнение покажется вам глупым, но именно так все и обстоит на самом деле.

– А откуда, позвольте узнать, – продолжал задавать вопросы обвинитель, – вам было известно, что эти действия являются негативными, мистер Стоун? Вам ведь было тогда двенадцать?

Эрик смотрел на него широко открытыми от растерянности глазами, не понимая, думаю, даже сути вопроса.

– У вас были сексуальные контакты до того момента, мистер Стоун? – Ответа не последовало. – Хорошо, я спрошу по-другому. Вы уже занимались сексом до того, как ваш отец, по словам вашего адвоката, «заставил вас вступить в интимную связь с вашей сестрой»?

Эрик замотал головой, но это, конечно, не устроило Ригби.

– Да или нет, мистер Стоун? Отвечайте на вопрос!

– Нет.

– Тогда откуда вы могли знать, что то, что, якобы «заставлял вас делать ваш отец», было предосудительно или неправильно?

Эрик растеряно смотрел то на Ригби, то на Дороти, то на меня, но мы никак не могли ему помочь, а все протесты моментально отклонялись, потому что, естественно, все, что говорил обвинитель, имело самое непосредственное отношение к делу.

– Вы когда-нибудь обсуждали со сверстниками сексуальные отношения?

– Нет, – Эрик мотал головой.

– Тогда откуда вы знали, что такие отношения не нормальны? Объясните нам, мистер Стоун, откуда у двенадцатилетнего мальчика вдруг появились такие познания? И – что еще важнее – почему вся эта история увидела свет только сейчас? – Он сделал паузу, но, так и не дождавшись ответа, заключил. – Не потому ли, что это просто очередная уловка вашего адвоката, которая, надо признать, не лишена смысла и изобретательности. Очернить доброе имя вашего отца, представив вас жертвой, тем самым надавить на жалость присяжных. Браво, мисс Честертон! Но где же тогда заключение о предшествовавшем смерти мистера Стоуна-старшего половом акте? Ведь такие следы остаются даже у мертвых! И где же, позвольте спросить, несчастная сестра Эрика Стоуна? Где его мать? Ах да, должно быть, вдова Стоун просто не желала участвовать во всем этом спектакле, дорожа памятью бывшего мужа! – Он повернулся к присяжным, среди которых, все же было три женщины от сорока до пятидесяти. – Вы, матери, – обратился он к ним. – И я прошу вас сделать усилие и представить себя на месте Джинны Стоун. Скажите, знай вы о том, какие извращенные действия способен совершать ваш муж, оставили бы ему ребенка после развода? – Все три дамы отрицательно замотали головами. – Правильно – нет! Потому что ни одна мать не бросит своего ребенка. Материнство – это инстинкт, и с этим трудно спорить. Думаю, если бы мисс Стоун услышала всю эту фантастически трогательную историю, которую нам так долго рассказывала мисс Честертон, она бы сгорела со стыда!

Заключительная речь Ригби ставила окончательную точку в наших попытках. Даже судья, который вначале был склонен поверить нам, был теперь убежден в нашей отчаянной лжи. Это было унижительно. Это было грустно. Но самым ужасным было ловить на себе взгляд Эрика, когда его в наручниках уводили из зала суда. Не думаю, что он изначально верил во всю эту

затею, но мы дали ему надежду, которую не смогли оправдать, и он совершенно справедливо мог считать нас лжецами и ненавидеть.

С учетом срока, уже проведенного в колонии, Эрику дали десять лет тюрьмы, что было весьма великодушно для убийства первой степени.

Его отправили в тюрьму штата. Через пару недель я попробовал навестить его, но он только сказал мне, чтобы я убирался и никогда больше не приходил.

– Прошу, Эрик, не будь так жесток, – говорил я в телефонную трубку, глядя ему в глаза через пуленепробиваемое стекло. – Мы сделали все, что смогли. Прости нас. Нам очень жаль...

– Уходи, Миллер, – он даже не присел на стул и все еще стоял с трубкой в руке. – Не надо приходить ко мне! Мне жаль, что мы встретились. Лучше бы я ничего тебе не рассказывал! Убирайся!

Он повесил в трубку и ушел.

Это был последний раз, когда я видел Эрика Стоуна.

Глава вторая

Рой Даллас

1.

Этого парня привезли с очередной партией новеньких. Я услышал шум и выглянул из камеры. Он шел, держа в руках свои вещи, и смотрел прямо перед собой. Так все приходят. Все выглядят одинаково, когда появляются здесь. Пока он шел по коридору, в его сторону летели бумажки, салфетки и всякого рода унизительные выкрики. А что вы хотели – это тюрьма, мать вашу, и тут всем оказывают одинаково холодный прием. Я все продолжал всматриваться в новенького, а его все вели и вели, не останавливаясь. Черт, неужели, ко мне, подумал я. Давненько у меня не было соседа – хоть будет с кем потрепаться. За двойное убийство мне дали пожизненный срок. К тому моменту я отсидел пятнадцать лет, и, можно сказать, впереди была еще целая жизнь. Но вот соседа у меня давно не было – как-то не срасталось.

А этот новичок ничего – отметил я по мере того, как он и двое охранников приближались к моей камере. Совсем молодой. Он был симпатичный, и я сразу подумал, что здесь для него это, скорее, минус. Парень остановился возле моей камеры, автоматическая решетчатая дверь открылась, и он оказался внутри.

Решетка закрылась, охранники что-то буркнули ему в спину и ушли. Он положил вещи на верхнее место, облокотился о кровать и какое-то время стоял так, уставившись в стену.

– Привет, – обратился я к нему.

Он не ответил и даже не пошевелился.

– Эй! Я сказал привет! Вроде как, знаешь, поздоровался с тобой!

– Привет, – негромко произнес он, оторвав взгляд от стены.

– Меня зовут Даллас, – я протянул ему руку. – Рой Даллас, потому что в Далласе меня знает каждая собака.

Мне, действительно, дали такое прозвище, потому что в этом городе меня все знали. Я долгое время был там в банде местного крестного отца – немало дел натворил.

– Эрик, – ответил он, и мы пожали друг другу руки.

Да, Эрик, подумал я тогда, как тебе повезло, что тебя поместили ко мне. Если говорить о соседях для такого симпатяги как ты, то я, пожалуй, просто мечта. Он и вправду был красивым, даже шрам на лице не портил его. И я смотрел на него с большим сочувствием, потому что думал, что он понятия не имеет, куда попал.

– За что ты здесь, Эрик?

Мне хотелось поговорить с ним, тем более, нам предстояло делить одну камеру, а по опыту я знаю, что лучше бы сразу выяснить, кто будет твоим соседом. Ну, знаете, чтобы не было потом неожиданностей. Но с этим малым все было понятно. Такие как он, молодые и дерзкие, обычно попадали в тюрьму за угон машины – хотели рисануться перед девочками, или за драку – покалечили в клубе какого-нибудь грубияна. Реже приходилось слышать, что их посадили за изнасилование. Знаете, когда он переспал с кем-то по-пьяни, а потом девчонка стукнула на него копам. Такие бывали истории у парней вроде этого Эрика. Но чаще всего, они просто отвечали, что их посадили за то, чего они не совершали. Да, чаще всего они были невиновны. Послушать заключенных, так в тюрьму только невиновных и сажали! Я смотрел на него и ждал одной из этих историй.

– Я убил своего отца, – вдруг ответил он.

– Ух ты черт! – Не сдержался я. – Он, наверное, здорово тебя достал... – на самом деле, я просто охренел от такого ответа.

Я немного помолчал, а потом спросил на всякий случай.

– Ты серьезно?

– Мне было четырнадцать, – кивнул он.

Да, этот Эрик был не прост. И тогда я подумал, что, раз такое дело, скорее всего, он все-таки имеет представление, что его здесь ждет. Я не стал больше задавать вопросов – решил, что сам наведу справки.

Ночью он лежал очень тихо, практически не шевелясь. Я иногда только слышал его ровное дыхание. Но могу поспорить, что он не сомкнул глаз. Как бы там ни было, первую ночь в тюрьме почти никто не спит.

На следующий день в столовой Эрик сел один. Я заметил, что за ним наблюдали. Наблюдали почти все отморозки нашего блока. И вот, Бобби из банды этих татуированных засранцев, подошел к Эрику и встал напротив. Мой новый сосед поднял глаза. Бобби медленно опустился на стул и начал что-то говорить Эрику. Я следил за ними, видел, как с каждым словом Бобби мой парень все сильнее сжимал ложку, и решил вмешаться.

– Эй, Бобби, тут занято, – сказал я, отодвигая его поднос своим.

– Даллас, – посмотрел он на меня. – Сядь где-нибудь в другом месте. Не видишь, мы разговариваем с новичком!

– Я хочу сидеть здесь, Бобби! Не груби старшим и свали.

Я мог позволить себе так разговаривать даже с отморозками вроде Бобби. Меня не трогали – я был здесь слишком уж нужным человеком. Меня уважали, потому что в свое время я завел на воле нужные знакомства. Бобби уступил мне место.

– Не нарывайся лучше на этих типов, парень, – сказал я Эрику.

Он кивнул, и я рассказал ему еще о паре десятков тех, кому не стоило смотреть в глаза, и о дюжине тех, с кем не стоило даже разговаривать, и еще о тех, кого следовало опасаться в любом случае. Эрик ничего не говорил. Я заметил шрамы на его руках и спросил, не из тех ли он ребят, что постоянно хотят отправиться на тот свет. Я не хотел бы однажды проснуться в камере с трупом. Парень заверил, что оставил эту затею. Но я знал, эти заверения ничего не стоили – поводов возобновить попытки у него в ближайшее время найдется немало.

– Тебя, вроде как, не трогают? – Наконец спросил он, включившись в разговор.

– Да, без меня все они пропадут, – я засмеялся и подмигнул ему. – Я могу достать всё. Без меня у них даже сигарет не будет. Тебе, как соседу, первая пачка бесплатно, – я похлопал его по плечу.

Не знаю, с чего бы, но этот Эрик мне нравился.

– Спасибо, – тихо сказал он.

К вечеру следующего дня я узнал историю Эрика Стоуна. Признаться, мне стало от нее не по себе. Я сам сидел за двойное убийство. Я застрелил типов, которые напали на мою жену и изнасиловали ее, поэтому четырнадцатилетний мальчик, решившийся отомстить за сестру, вызывал у меня если не восхищение, то уважение. Хотя, какие уж тут шутки – мне просто стало жаль его. Да, мы все тут отбросы общества, воры, убийцы, мошенники, но все же большинство по доброй воле встают на этот путь, сами выбирают себе дорогу из решеток и всего этого тюремного дерьма. Я знал, на что шел. Я всегда был в банде, сколько себя помню, и те двое подонков были у меня не первые. Я знал, что сяду рано или поздно. Но с такими, как этот Эрик, я не часто встречался. Ему жизнь не оставила выбора. Вернее, он мог, конечно, не убивать своего папашу, но тогда я уважал бы его гораздо меньше.

– Держи! – Я бросил ему на постель пачку сигарет. – Ты думал я пошутил? Нет, черта с два! Но не надейся, в следующий раз будешь платить.

Он поблагодарил меня. Мы никогда особенно не разговаривали с ним. Он не любил, чтобы к нему лезли, да мне и не хотелось копаться в его душе.

Почти две недели Эрика никто не трогал. Меня это даже удивило. Я думал, не пройдет и пары дней... Но я видел, что даже две недели не заставили парня расслабиться и потерять

бдительность. Он ждал. Ждал нападения, удара в спину или чего-то подобного. И вот, во вторую субботу пребывания Эрика здесь, во время дневного отдыха завязалась драка. Я увидел, как Стоун сначала сцепился с этим здоровым парнем из банды Миллса, потом в драку вступили еще двое. К тому времени, как появились охранники, мой сосед уже лежал на полу. Парней Миллса поместили в карцер на пару дней, а Эрика отправили в лазарет, где он провалялся целую неделю. Это было начало, и теперь я знал точно, ни Миллс, ни остальные отморозки не отстанут от Стоуна.

В первый вечер после больницы Эрик нагнулся сверху и спросил меня:

– Даллас, ты, правда, можешь достать все что угодно?

– Ну, в пределах разумного, – уточнил я.

– Сможешь достать для меня плеер?

Просьба была странной.

– Плеер? – Переспросил я. Он кивнул. – А ты на батарейках не разоришься?

Меня, и в правду, удивила его просьба. Ну, книгу еще, куда ни шло.

– Да ладно! – Отмахнулся он. – Так сможешь?

– Ну, нет ничего невозможного. Только это будет тебе стоить не как пачка сигарет.

– О'кей. И еще одну песню достанешь?

– Одну? – Я рассмеялся. – Проси уж сразу альбом – цена все равно одинаковая.

– Мне хватит, – серьезно ответил он. – Знаешь «Hey Jude»?

– Твою мать, парень! – Я приподнялся на локтях, чтобы увидеть его лицо. – Да ты меломан! Может, чего-нибудь посовременнее закажешь? – Я не скрывал улыбки.

Откуда пацан двадцати одного года отроду, промотавшийся почти всю сознательную жизнь по исправительным учреждениям вообще мог знать о «Битлах»!

– Откуда ты знаешь эту песню, малыш?

– Просто это была единственная запись, которую я нашел дома, когда был ребенком, – он как будто задумался. – И я все время слушал ее, когда оставался один, снова и снова.

Я все понял. Дальше объяснять было не нужно. Эрик не был меломаном. И слава богу, подумал я. Я вспомнил старый знакомый мотив – такая добрая песенка – я даже начал напевать про себя, погружаясь в ностальгию по своей молодости.

Я достал ему небольшой плеер и диск со всеми альбомами «Битлз». Не знаю уж, что он там слушал, но каждый вечер он вставлял наушники и засыпал. Могу поспорить, что всю ночь музыка так и играла у него в ушах. Теперь ему нужны были только сигареты, батарейки и немного везения, чтобы не нарваться на обыск в камере.

2.

Жизнь Эрика Стоуна в тюрьме была далека от спокойной. Помню, как однажды заметил, что Бобби и его дружки-отморозки прижали парня в мастерской и закрыли дверь. Я не знаю, что они там с ним сделали – могу только догадываться, но после этого Эрик месяц провел на больничной койке, а когда вернулся, почти совсем ничего не говорил. Только просил меня время от времени достать ему новые батарейки. Про сигареты я сам знал, клал ему под подушку пачку каждую неделю. Я подумал тогда, что он сломался, и каждое утро боялся, что он что-нибудь с собой сделает.

Как-то, гуляя во дворе, я увидел, как Бобби и еще один здоровый лысый парень с татуировками, Сэм, играют в карты. Ставкой в их игре был мой сосед. Я решил сообщить Эрику – по крайней мере, предупредить его, и это единственное, что я мог сделать. Он ничего не ответил, только кивнул и пошел куда-то к ограде. Он наклонился и как будто что-то достал из-под забора. Господи, только бы это была не заточка, подумал я тогда, и оказался абсолютно прав в своих догадках. Я не видел, как все происходило, но мне рассказали, что Бобби и еще

пара парней окружили Эрика за хозблоком. Между ними завязалась драка, и Эрик, в итоге, исполосовал Бобби всю рожу. Стоуну дали две недели карцера. Но, думаю, для него это было лучше, чем даже неделя в лазарете.

Физиономия Бобби была похожа теперь на отбивную. Не знаю, намерено ли Эрик выбрал именно лицо, но я искренне удивился, как Бобби удалось сохранить глаза. О чем думал Стоун в карцере эти две недели, мне не известно, но тут ему уже готовили встречу. Я волновался за парня – Бобби бы ни за что не спустил ему это.

Так все и случилось. Едва Эрик вышел, он снова попал на больничную койку. Бобби и пятеро его головорезов так отделали Стоуна, что он едва выжил. Впрочем, если вас интересует мое мнение, то я скажу вот что: если бы эти подонки хотели убить парня, то сделали бы это, но они специально оставили его в живых. Думаю, скорее всего, они поспорили, сколько он протянет, прежде чем покончит с собой.

Через две недели я попросил позволить мне навестить Эрика в тюремном лазарете, и мне разрешили. Он лежал на кровати, ничего не говорил и смотрел куда-то мимо меня. Вот теперь он сломался. Я видел это много раз, я хорошо знал этот отсутствующий взгляд, и мне было известно, что с ним долго не живут. Я пытался говорить с Эриком, но он даже не взглянул на меня.

Прошло еще две недели. Я еще пару раз навещал Стоуна, но особых улучшений в его состоянии не заметил. Еще когда я пришел к нему в первый раз, твердо решил что-то сделать для этого парня. Он и так уже был в дерьме глубже некуда, и я очень хотел хотя бы попробовать его оттуда вытащить. Он годился мне в сыновья, хотя моя родная дочь была на десять лет старше его, и мне было ужасно жаль Эрика. Но что я мог сделать для него здесь, за решеткой! Что бы я ни достал для него с воли, все не имело бы никакого смысла. Единственное, что я мог – это организовать ему побег. Но было ли это нужно самому Эрику, мне предстояло выяснить. Мне хотелось, чтобы он начал жизнь заново, оставив позади все, что с ним было. Мне хотелось, чтобы у него была работа, чтобы он нашел себе девушку, чтобы съездил посмотреть на Гранд-каньон. Ну и еще, конечно, мне очень хотелось выглядеть в своих собственных глазах благородным и добродетельным типом. Поэтому в ту же ночь как Эрика выписали из больницы, я начал с ним этот разговор.

– Послушай, парень, – сказал я, облокачиваясь о кровать, где он лежал. – Мне надо с тобой серьезно поговорить.

Он повернул голову в мою сторону, но ничего не ответил.

– Я не шучу, – продолжал я. – Разговор будет серьезным, и лучше бы тебе отвечать честно.

– О чем? – Тихо спросил Эрик.

– О тебе.

– Тогда не стоит даже начинать.

– Послушай меня! Если бы тебе удалось отсюда выбраться, ты бы стал жить дальше? – Я спросил об этом, потому что уже был вполне уверен, что Стоун принял решение свести счеты с жизнью.

– О чем ты, Даллас? – Не понял он.

– Ты можешь пообещать мне, что если выберешься на свободу, то начнешь жить нормальной жизнью?

– Боюсь, я совсем не знаю, что такое нормальная жизнь.

– Тогда можешь пообещать, что будешь учиться жить заново и выбросишь из головы эти мысли о самоубийстве?

– Не надо лезть в мои мысли, Рой! Оставь, это бесполезный разговор.

– И все же, Эрик, – не унимался я. – Если выберешься?

– Рой, если выберусь? – Вопросительно повторил он.

– Да. Можешь мне пообещать это или нет, в конце концов! Из тебя клещами ответы тянуть! – Я не сдержался, хотя понимал, что парень просто не совсем въезжает, о чем я ему толкую.

– Ладно, – сдался Эрик. – Я скажу тебе, что если бы выпала возможность свалить отсюда, я бы ею воспользовался, чего бы это ни стоило, потому что мне уже все равно. Но как начать жить на свободе, я не очень представляю, особенно с моей биографией.

Это был правильный ответ. Это был ответ, который меня вполне устроил, и я рассказ Эрику то, над чем работал, пока он валялся в лазарете.

– Слушай меня, парень, – начал я. – Через три дня нас повезут на общественные работы, на лесопилку, грузить сруб. Я узнал, что там затевается большая разборка. Толстый Джон хочет завалить Китайца за то, что тот прокатил его с наркотой. Короче говоря, в определенный момент – это совершенно точно – все охранники будут заняты разборкой. И лучшего момента для того, чтобы сбежать, просто не придумать, если только удастся освободиться от браслетов, – я сделал многозначительную паузу, но она не возымела эффекта. – Так вот, парень, теперь смотри, что у меня есть, – я достал из-под матраса маленький ключ.

– Это ключ от наручников? – Вот теперь эффект, кажется, был достигнут.

– Да. И тебе останется только расстегнуть их и бежать изо всех сил. Там лесистая местность, и очень даже может быть, тебе удастся скрыться.

Эрик смотрел на меня, выпучив глаза, и, кажется, не верил своим ушам.

– Почему ты сам не бежишь, Рой?

– Потому что на свободе меня быстрее пришьют, а тут я, вроде как, при деле, чувствую себя полезным обществу. А там, – я махнул рукой. – Я не знаю, что мне там делать.

– У тебя же есть дочь...

– Да, она уже взрослая, у нее своя паршивая жизнь. Зачем ей еще беглый зэк на плечах, – я сделал паузу, потом продолжил излагать план. – И кстати, о моей дочери. Я кое-что припрятал кое-где, и теперь настало время, когда можно этим воспользоваться. Вот и передашь ей мой подарок.

– Кое-что кое-где? – Эрик усмехнулся, и я был очень рад видеть его улыбку.

– Триста пятьдесят тысяч долларов, зарытых под деревом на пустыре. Я расскажу тебе, как туда добраться. Передашь деньги моей крошке, себе возьмешь, сколько надо – я не жадный. Скажешь Сюзан, чтобы свела тебя с Аланом – он сделает новые документы.

– Документы? – удивлению Эрика не было предела. – Даллас, зачем ты все это для меня делаешь?

– Затем, что никто никогда для тебя ничего не делал. И мне жуть как охота почувствовать себя Сантой. Ты же хорошо вел себя целый год? – Рассмеялся я.

– Плохо, – ответил Эрик.

– Вот и молодец, значит, новые документы и новое имя – это как раз твой подарок.

– А если у меня не получится? – Спросил он.

– Тогда тебя пристрелят, но ты все равно ничего не теряешь, – бодро ответил я. – Ну, так ты согласен на такой план?

– Да.

– Главное, протяни три дня, не ввязывайся никуда.

Когда через три дня нас вывезли на лесопилку, все случилось именно так, как я предполагал. Пока охранники занимались заварушкой, которую устроил Толстый Джон, я видел, как Эрик Стоун незаметно освободился от наручников и побежал в сторону леса. Никто из остальных заключенных, видевших это, хотя таких было не много, не сказал ни слова. К тому моменту, как охранники вернулись на свои позиции и обнаружили расстегнутые наручники, Эрик, думаю, был уже достаточно далеко. Его искали три дня, разослали ориентировки во все полицейские участки окрестных городов. Но в тюрьму Эрик Стоун больше не вернулся. Да,

жизнь – паршивая стерва. Она никому не дает второго шанса. Но, если хочешь, ты можешь сам взять этот шанс, ни у кого не спрашивая.

Глава третья

Сьюзан Филлипс

1.

Отец передал с одним из своих посыльных письмо, в котором говорилось, что скоро ко мне должен прийти какой-то парень. Он просил присмотреть за ним первое время и свести с Аланом. Мой отец всегда был не в ладах с законом, и он не менялся. Он уже пятнадцать лет сидел в тюрьме, а от него все еще продолжали приходить какие-то люди. Они что-то приносили, передавали мне какие-то письма и сообщения, просились на ночлег, иногда предлагали помощь. Но кто бы ни приходил, в одном я всегда была уверена – отец бы ни за что не стал мной рисковать и никогда бы не прислал ко мне опасного человека. Слишком уж он любил меня, хотя и отправился в тюрьму, когда мне было семнадцать.

На этот раз он сообщил, что у этого парня, Эрика, будет кое-что для меня. И еще, почти в самом конце, была приписка, которая, признаюсь, меня удивила. Отец сообщал, что у парня, который должен был появиться, похоже, никогда не было нормальной девушки, и просил меня подыскать для него какую-нибудь надежную «подружку». Понятно, что под «подружкой» отец имел ввиду совершенно определенный тип женщин. И, увы, ему было хорошо известно, что среди моих знакомых, таких было немало.

Я понятия не имела, кто ко мне явится, но по тому, что сообщил отец, представила себе достаточно шупленького неказистого мужичка лет тридцати с редкой бородкой.

Когда от папы приходили мужчины, не важно, какие они были, старые или молодые, красивые или уродливые, высокие или низкие, проблемы возникали всегда лишь с моим гражданским мужем Крисом. Он ревновал меня к каждому столбу и не выносил, если в доме появлялись посторонние мужики.

Эрик пришел как раз, когда Крис был дома, и я не смогла впустить его.

– Сьюзан? – Спросил он, как только я открыла дверь. – Сьюзан Филлипс это вы?

– Да, это я.

– Я от вашего отца, Роя. Меня зовут Эрик. Не знаю, предупредил ли он...

– Да-да, Эрик, я в курсе.

Я поняла, как жестоко ошиблась в своих фантазиях на тему этого парня. Он был совсем молоденький и, к тому же, отлично сложен. Даже шрам на лице нисколько не портил его. Я тогда пожалела, что не могу впустить его из-за Криса, и подумала, что надо будет потщательнее выбирать для него подружку. Отдавать такого милашку в плохие руки совсем не хотелось.

– Мне надо вам кое-что передать... – снова начал он, но его прервал Крис, который уже достаточно набрался.

– Эй, кто там пришел?! – Кричал он из комнаты.

– Никто, Крис, ошиблись адресом! – Бросила я, и потом вполголоса снова обратилась к Эрику. – Знаешь, сейчас не самый подходящий момент. Давай встретимся завтра в кафе на углу у супермаркета?

– Не самое лучшее место, – ответил красавчик. – Может, мы встретимся где-нибудь, где нет людей?

Я же не знала тогда, что он в бегах. Конечно, отец не сообщил мне, что этот Эрик всего неделю как сбежал из тюрьмы.

– Хорошо, – быстро ответила я. – Я подберу тебя на углу Сансет бульвар и Элизабет стрит завтра ровно в три часа. Идет?

– Хорошо, – ответили он, и я тут же захлопнула дверь.

Как только этот парень ушел, Крис снова начал орать. Я ненавидела этого алкаша, но в последнее время очень боялась, потому что он то и дело угрожал расправиться со мной, если я вздумаю его бросить.

Я заметила Эрика на тротуаре, когда подъезжала к назначенному месту. Он был одет в джинсы и куртку. Капюшон скрывал его лицо. Я притормозила, открыла окно. Эрик сразу узнал меня и сел в машину.

– Поехали куда-нибудь, где нет людей, – попросил он.

Я снова отметила про себя, какой же он был красавчик. Может, под этим «подружка» папа имел в виду меня? Глядя на этого парня, я приходила к мысли, что и сама не прочь была бы обучить его всем способам любви, которыми владела. Да и, честно говоря, мне с трудом верилось, что у него совсем уж никогда не было девушки.

Когда мы наконец оказались в районе заброшенного бетонного завода и остановились, Эрик вновь заговорил.

– Твой отец, Рой, просил передать это, – он передал мне сумку, набитую стодолларовыми купюрами.

– Что это?

– Деньги. Я не знаю, откуда он их взял. Здесь триста пятьдесят тысяч.

– Триста пятьдесят тысяч? – Повторила я.

– Да, – Эрик кивнул.

– Господи боже мой! Просто офигеть! – Я на секунду задумалась. – Главное, чтобы Крис не узнал.

– Крис? – Переспросил красавчик. – Это тот, у тебя дома?

– Да.

– Я слышал, как он кричал на тебя, – он указал на синяки у меня на шее. – Если у тебя какие-то проблемы...

– Ничего! Тебе бы сейчас не ввязываться в неприятности. Кстати, Даллас просил свести тебя с Аланом. Вот его адрес, – я написала на бумажке и передала Эрику. – Скажешь, что от отца. Я его еще предупрежу.

– Спасибо, Сьюзан.

– Куда тебя отвезти?

– Черт, не знаю, – ответил Эрик. – Извини, просто... Может, ты подскажешь какое-нибудь безопасное место, где не спрашивают документов?

– Ладно, поехали ко мне. Криса все равно пока нет дома. Выпьешь, примешь душ, и что-нибудь придумаем.

Эрик ничего не ответил. Если честно, больше всего тогда мне хотелось, чтобы этот скотина Крис больше не появлялся. У меня теперь были деньги и был еще этот красавчик, и я бы не отказалась смотаться с ним куда-нибудь на Гавайи, как только Эрик получит новый паспорт.

После душа с мокрыми волосами Эрик стал еще привлекательнее, хотя и появился из ванной полностью одетым. Я сделала виски с колой, и мы поговорили о том, о сем, пока пили коктейль. Вдруг Эрик неожиданно спросил, вновь посмотрев на мои синяки:

– Он бьет тебя?

– Кто? – Как будто не поняла я и спрятала руки.

– Этот Крис. Он твой муж?

– Нет, не муж. Так, живет со мной.

– Это он сделал? – Эрик указал на синяк, вглядываясь в мою шею.

– Послушай, парень, не лезь в это, – оборвала я, но Эрик и не думал останавливаться.

– Почему ты позволяешь так с собой обращаться? Рой, твой отец, никогда бы не позволил такого...

– Но мой отец уже пятнадцать лет в тюрьме! – перебила я.

– Теперь у тебя есть деньги, – продолжил он, глядя на меня своими зелеными глазами. – Ты можешь уйти от него.

– Ох, Эрик, – вздохнула я. – Если бы все было так просто...

Какой же ты наивный, парень, подумала я. Наивный, но чертовски привлекательный. Алкоголь в середине дня давал о себе знать.

Он ничего не ответил. Через несколько минут раздался настойчивый стук в дверь. Крис вернулся раньше времени. Я поспешила к двери. Едва этот осел переступил порог, сразу начал орать. Потом Крис увидел Эрика, стал обзывать меня шлюхой и ругаться на чем свет стоит.

– Хватит, Крис, успокойся! – Твердила я, но он не хотел ничего слышать.

– Кто этот тип? – Кричал он, указывая на Эрика. – Опять ты привела какого-то мужика! Совсем от рук отбилась, похотливая тварь! – Он замахнулся и сильно ударил меня по щеке. Так сильно, что я даже вскрикнула.

Увидев это, Эрик быстро вскочил с дивана, подошел к Крису, взял его за грудки и сказал, чтобы тот больше не смел меня трогать. Я попыталась встать между ними, хотя прекрасно знала – лучше этого не делать. Эрик аккуратно отодвинул меня в сторону, и в этот момент Крис ударил его. Получилось не очень сильно, но из губы пошла кровь. Тогда Эрик со всей силы вмазал Крису в ответ. Тот покачнулся и попятился назад. Не успел Крис прийти в себя, как последовал второй удар, а потом и третий, сбившей его с ног. Думаю, Крис был пьян, и поэтому не смог оказать Эрику сопротивление. Пока мой сожитель-козел силился подняться на ноги, держась обеими руками за голову, Стоун схватил его за рубашку и пинком выставил за дверь. Когда щелкнул замок, я сидела на диване, уставившись на своего красавца-заступника.

– У тебя кровь идет, – тихо сказала я, указывая на разбитую губу.

Должно быть, Крис попал по ней своим перстнем.

– Ерунда, – ответил Эрик, вытирая кровь рукой. – Ты в порядке?

– Угу, – кивнула я и потянулась за салфеткой. – Давай вытру.

Я подошла к Эрику вплотную и начала промокать губы, чтобы остановить кровь. У него были красивые тонкие губы!

– Подожди, я принесу водки – надо обработать.

Я сбегала к холодильнику и смочила ватный тампон в алкоголе.

– Вот так будет лучше, – сказала я, снова касаясь его губ. Он слегка поморщился, и от этого стал еще привлекательнее.

Во мне был алкоголь и адреналин, так что я не сдержалась и поцеловала Эрика.

– Что ты делаешь? – Он вдруг стал напряженным, отшатнулся и прерывисто задышал.

– Целую тебя.

– Почему?

– Потому что уже много лет никто за меня не заступался.

Он хотел что-то сказать, но я снова прильнула к его губам, одной рукой коснулась его лица, а второй обняла за шею. Напряжение в нем к тому моменту, похоже, достигло предела. Он был, словно натянутая струна, вот-вот готовая порваться. Еще немного – и мы оказались на кровати. Эрик был скован и растерян. Он, действительно, похоже, не очень понимал, что надо делать, как себя вести, но от этого мне он нравился еще больше. Красавчик, который только что выставил из дома Криса, набив ему морду, оказался вдруг таким невинным и неискушенным в постели.

Потом мы долго лежали и потягивали виски с колой.

– Я боюсь, что он может вернуться, – сказала я, имея в виду своего идиота-сожителя. – Он псих. Он на многое способен.

– Я тоже, – тихо ответил Эрик, глядя в потолок.

– Останься сегодня со мной, пожалуйста, – попросила я.

Впрочем, я знала, что этому парню особенно некуда было идти.

– О'кей, – согласился он.

Вечером я приготовила ужин. Настоящий ужин, с хорошими отбивными, свежим салатом и вином. Господи, как же давно я не готовила так, чтобы это доставляло удовольствие! После ужина в дверь постучали. Это, должно быть, Крис – подумала я и буквально замерла на стуле. Эрик посмотрел на меня – мне показалось, он тоже сразу понял, кто стоял за дверью. Как только затвор замка повернулся, Крис, как сумасшедший, влетел в комнату, оттолкнул Эрика в сторону, потом вдруг достал пистолет и направил на него.

– Ты что думаешь, ты самый умный, сопляк! Да я прострелю тебе башку, если не уберешься отсюда сейчас же! – Орал Крис, размахивая револьвером перед лицом Эрика, который был на редкость спокоен и внимательно наблюдал за истерикой.

Я сидела не шевелясь. Я знала, что мой гражданский муженек мог запросто выстрелить, но внезапно Эрик быстрым движением схватил его за руку и заломил ее так, что Крис ослабил хватку. От страха я закрыла лицо, а когда опустила руки, пистолет уже был у Эрика, который стоял на коленях. На полу перед ним лежал Крис.

– Убирайся на хрен, придурок! – Стоун говорил сквозь зубы. – Если ты еще раз появишься здесь или хоть на десять метров подойдешь к ней, клянусь, я убью тебя.

– Да пошел ты! – Продолжал ругаться Крис, отчаянно надеясь подняться.

Тогда Эрик схватил его руку, дулом револьвера прижал ладонь к полу и, не задумываясь, выстрелил. Потом он поднял Криса, который теперь только орал и стонал, с ужасом глядя на простреленную ладонь, и вышвырнул за дверь. Я была в ужасе. Не от вида крови или от жалости к этому уроду, а, скорее, от того, как быстро все произошло и как решительно действовал Стоун. К тому же, я помнила, каким он был растерянным и неуверенным в постели, и это совершенно не вязалось у меня с тем, как Эрик расправился с Крисом. Слишком много событий для одного дня, подумала я, слишком много.

2.

Эрик остался у меня и на следующий день отправился к Алану. Алан был старым другом отца и мог достать любые документы. Причем все документы, которые делал Алан, были настоящими, и попасться с ними было практически невозможно. Я же решила навестить Далласа в тюрьме. Ну, знаете, поблагодарить и расспросить об Эрике. Однако отец сразу дал понять, что разговоры о Стоуне здесь лучше не вести. И тогда я поняла, наконец, что Эрик сбежал из тюрьмы. И как я раньше не догадалась!

Сразу после свидания, я зашла в библиотеку и нашла всю необходимую информацию в заголовках газет. Эрик Стоун в четырнадцать лет убил собственного отца. Но еще более шокирующими были обстоятельства, которые якобы происходили ранее. «Якобы» – потому что они не были признаны судом и расценивались как уловка адвоката. У меня мороз пошел по коже, когда я читала сухо изложенные факты. Однако я старалась не принимать все это близко к сердцу. Не могу объяснить, почему. Возможно, потому что мне очень нравился это парень, и я хваталась за любую возможность хоть как-то оправдать его, а, возможно, и потому, что мы вчера занимались любовью, а это, знаете ли, меняет отношение к человеку самым неожиданным образом. К тому же, то, как Эрик при этом себя вел, несколько не приближало его к образу убийцы. Возвращаясь домой, я пришла к выводу, что, скорее всего, все обвинения против Эрика вообще были ложными. Я никак не могла поверить в то, что этот парень способен на такое, хотя сама была свидетелем, как легко и решительно он управлялся с огнестрельным оружием. Но как бы там ни было, мне стало ужасно жаль Эрика, и это чувство все сильнее росло во мне, пока я приближалась к дому.

Я решила не говорить о том, что узнала о нем. Вечером мы снова занимались любовью, и он снова был скован и нерешителен. Потом мы снова сидели на кровати и разговаривали.

– Спасибо тебе, – начала я. – Я думала, Крис никогда не оставит меня в покое.

– Да ладно, – отмахнулся он.

– Нет, правда, никто никогда не делал ничего подобного для меня. Я уже и забыла, что значит быть слабой женщиной.

– Не стоит благодарить, Сьюзан, я сделал это больше для самого себя.

– Пусть так, но я уже совсем разочаровалась в мужчинах. Моя жизнь была полным дерьмом, понимаешь, а тут появился ты – и сразу все так переменялось. Деньги, Крис, всё...

– Поверь, – ответил Эрик. – Моя жизнь была еще большим дерьмом, – он сказал это так, что у меня сжалось сердце.

– Ты очень хороший, Эрик, не говори так, – Я не знала, что ответить и думала хотя бы подбодрить его.

– Сьюзан, ты не знаешь меня! Ничего во мне нет хорошего!

– Я не верю тебе, – попыталась я свести нашу беседу к шутке, но разговор, кажется, уже зашел слишком далеко.

Эрик повернулся и посмотрел на меня очень серьезно.

– Я не хороший человек, Сьюзан, – он замолчал на минуту. – Я убил своего отца. Что во мне может быть хорошего!

– Я знаю... – не задумываясь, ответила я и тут же пожалела об этом, потому что в миг, и лицо, и тон Эрика, да и он сам, переменялись.

– Знаешь? – почти по слогам произнес он, и в словах его послышался гнев, переходящий в настоящую истерику. – Так ты что, решила пожалеть меня? Ты из жалости это сделала, да? Из жалости?!

– Нет, Эрик, нет! – Попробовала я успокоить его, но он одернул мою руку.

– Не надо! Хватит! Не надо мне говорить, какой я хороший! Ты ни хрена обо мне знаешь! И не надо меня жалеть! Отстань!

– Пожалуйста, не уходи, Эрик! Я вчера еще не знала ничего о тебе, правда! Жалость тут ни при чем. Ты красивый парень, очень красивый...

– Не начинай! – Прервал он меня, и на этом разговор был окончен.

Впрочем, Эрик не ушел. Ему надо было дождаться документов, а самым безопасным местом сейчас был только мой дом. Он прожил у меня еще недели три, пока Алан не уладил все тонкости с бумагами.

Мы много времени проводили с Эриком, каждый день занимались любовью, и уже очень скоро он начал показывать вполне неплохие результаты, если вы понимаете, о чем я. Он был потрясающим! С самого первого раза я почувствовала в нем эту силу, перед которой невозможно устоять. Силу, которая обжигает твою кожу, когда мужчина в порыве страсти касается тебя кончиками пальцев. Как бы ни вел себя мужчина, как бы он ни выглядел, что бы ни говорил, его истинную силу всегда можно почувствовать только в сексе. Я знаю, о чем говорю – у меня было много мужчин, но далеко не у каждого была внутри эта сила. Еще в Эрике всегда чувствовался надлом. И это как будто делало его еще более сексуальным.

Только одна тема была у нас под запретом. Ни в коем случае, ни под каким предлогом нельзя было даже заикаться о внешности Эрика или о том, что ему что-то удавалось. Нельзя было даже намекать на то, как он хорош был в постели или где бы то ни было. Как только я отпускала комплимент, пусть даже самый незначительный, в его адрес, Стоун надолго замыкался в себе и как будто напрочь переставал мне доверять.

Делать ему было особенно нечего, поэтому я покупала для него книги. Эрик много читал и часто просил меня купить ему что-нибудь. Фитцджеральд, Толстой, Чехов, – о некоторых писателях я и не слышала. Но его любимым был Хемингуэй и этот его роман про Париж. Книга была небольшая, так что я тоже прочла ее и, если честно, не нашла в ней ничего особенного.

– Чем тебе нравится эта книга? – Как-то спросила я Эрика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.